

Кошка, живущая на крыше

Автор:

Мария Зайцева

Кошка, живущая на крыше

Мария Зайцева

Кошка #1

Я, на секунду зависнув, потому что ну вот совсем иначе я представляла себе восемнадцатилетнего парня, опомнилась и брыкнула его ногой. Никуда не попала, но попытка была засчитана, и меня подняли в воздух и насадили на упертое в стену бедро. Мощное такое, крепкое.

Я взвизгнула и опять задергалась, после чего широкая ладонь зажала рот. Тут-то меня и накрыло осознание.

Утро. Пустой подъезд. Я одна с таким дегенератом, что и слов-то приличных не подберешь. Да еще и обездвиженная полностью! Даже крикнуть не могу!

Я испуганно замерла, уставившись в серые злые глаза, оказавшиеся внезапно очень близко от моего лица.

Мария Зайцева

Кошка, живущая на крыше

С двадцать пятого этажа моей новой квартиры вид открывался просто фантастический. Можно сказать, что я и саму жилплощадь взяла в основном из-за вида. Просто пришла сюда, когда дом только сдавался, встала к огромному панорамному окну во всю стену и посмотрела на город, полный огней. В осенней темноте не было видно остовов строящихся соседних зданий, а высотные краны на фоне темнеющего неба, подсвеченные фонарями, придавали картине infernalную загадочность. Риэлтор за спиной красиво рассказывала, что, когда район полностью будет застроен, здесь появятся зеленые газоны, яркие детские площадки, много парковочных мест, отдельные парковки для велосипедов и самокатов, чудесные скверики с удобными лавочками, и даже (Боже мой!) фонтаны! Но я все пропускала мимо ушей, полностью поглощенная глубинной чернотой города, с утопленными в ней огоньками жизни.

Я представила себе, как каждый вечер сажусь здесь, у этого окна, с чашкой какао, укутываюсь пледом и смотрю. Просто смотрю, вдыхаю город всем телом, ощущая себя сторонним наблюдателем чужих жизней, созерцателем. Эта картина так запала в душу, что я подписала договор, не раздумывая. В наше время это, конечно, рискованно, покупать жилье в строящемся доме, но я почему-то была уверена, что все будет хорошо.

И все и в самом деле было хорошо. Какое здесь ключевое слово? Правильно, было.

Я вздохнула, не давая прорываться грустным мыслям, отпила еще своего любимого какао и качнулась в кресле. Ассоциативный ряд сработал четко, выкрулив мои мысли к "Сестре Керри", вот так же, в конце книги сидящей в кресле-качалке и не знающей, чего ей еще хотеть от жизни. Смешная ассоциация. И явно не про меня. Потому что я точно знаю, чего хочу. Вот конкретно сейчас я хочу сидеть, прикрыв глаза, отдыхая от компьютера, покачиваться медитативно в кресле-качалке, прихлебывать какао и вдыхать город.

И лениво и размеренно строить планы на ближайшее будущее. На завтра, прикидывая возможный объем работы, на послезавтра, распределяя рабочий день, потому что надо бы в офис подъехать, с заказчиком пообщаться, там какие-то вопросы, но несрочные, на неделю, ведь скоро отпуск, надо бы подбить дела и съездить к маме, а потом можно и...

ТЫДЫЩЬ!!!!!! ТЫЩЬ!!!! ТЫЩЬ!!! ТЫЩЩЩЩЩЬ!!!

Какао выплеснулось из кружки, залив любимый домашний свитер с перламутровыми звездочками, я от неожиданности резко качнулась в кресле, едва не перевернувшись, хотя производитель категорически уверял, что это невозможно.

Но в этом мире есть много вещей, опровергающих логику.

Например, ужасные звуки басов в десять вечера из-за соседской стены!

Гад! Какой же гад все-таки! Вернулся со своих гулянок! Куда только родители смотрят?

Я злобно оскалилась, прихватила с пола специально приготовленное круглое железное блюдо, когда-то, непонятно для каких целей подаренное мамой и до этих событий спокойно стоявшее на самом верху кухонного шкафа, и с остервенением кинула его в стену.

Блюдо с дивным дребезжащим звуком, напоминающим гулкий гонг, врезалось в имитацию кирпичной кладки и с не меньшим грохотом упало на пол. Как раз на керамогранит, которым я покрыла весь пол моей маленькой студии.

– Выключи музыку, урод малолетний! – крикнула я, прекрасно зная, что меня услышат.

– Пошла нафиг, овца! – с готовностью, словно только этого и ждал, проорал в ответ мерзкий голос соседа. – До одиннадцати имею право на своей территории!

– Тварь! Как только тебя родители терпят? – я, как обычно, завелась не на шутку, прыгая по квартире, сдирая с себя испорченный свитер и затирая шваброй лужу от какао на полу. От хорошего медитативного настроения и следа не осталось.

– А тебя, я смотрю и не терпят? Сбагрили подальше, под самую крышу, чтоб не отсвечивала! – не остался в долгу придурок.

– Да я вообще-то сама эту квартиру купила, потому что, в отличие от тебя, нахлебника, деньги зарабатываю! – взвизгнула я, уязвленная до глубины души.

Надо же, какой пронизательный гад! И не скажешь, что мальчишка совсем.

– О как! Насосала, значит, – удовлетворенно подметил соседский выползень и мерзко хихикнул.

Ах ты сволочь!

Я ухватила блюдо, совершенно не пострадавшее от взаимодействия со стеной (может, для этого мама мне его и дарила? Как знала, как знала!!!), и начала ритмично стучать в стену, заставляя края звучать камертоном. Выходило вполне гнусно.

В ответ сосед врубил басы так, что дрогнул пол и звякнули стекла.

Я поняла, что эту битву мне не выиграть и, гневно отдуваясь, ушла в ванную, где музыка была не так слышна. Хотя пол все равно ощутимо подрагивал, и подпрыгивали мои многочисленные шампуни и крема на полках.

Вот ведь гад!!!

Въезжая сюда полгода назад, воодушевленная, но слегка подрастратившаяся, я отвергла предложение строителей усилить звукозащиту квартиры, поставив дополнительные панели.

И страшно пожалела об этом вскоре. И сейчас жалею!

Стены в новом доме оказались просто картонные. Я слышала буквально все, что происходило в соседней квартире, каждый разговор, каждый вздох, звук шагов и свист чайника. И, конечно же, прекрасно слышала, а теперь уже и выучила наизусть все песни группы Металлика, Мерлина Менсона, Оззи Осборна и многие другие, которые так любил сын людей, въехавших спустя пару месяцев после меня в соседнюю двушку.

Самого мальчишку я не видела ни разу, несмотря на то, что соседская дверь находилась буквально в двух метрах от моей, на одном пяточке, но зато слышала каждый день.

Звали его Витенька. Именно так обращалась к нему Вера Петровна, его мама.

- Витенька, ты покушал?

- Витенька, не хочешь чаю?

- Витенька, когда дома будешь? Мне дверь на защелку не закрывать?

И неразборчивый бубнеж в ответ. Похоже, что забота Веры Петровны конкретно так Витеньку достала. Сложный возраст, скорее всего, может, переходный. Хотя я бы подростка не оставляла одного в квартире на несколько дней, позволяя орудовать дрелью и молотком с остервенением юного строителя.

Но, похоже, родители Витеньке доверяли, что было для меня дико странным, и позволяли творить на их жилплощади все, что в голову взбредет. И мальчик отрывался по полной. И я вместе с ним.

Нет, не подумайте, я пыталась быть вежливой. Я разговаривала, убеждала, просила. Сначала тихо и спокойно, объясняя ситуацию. Разжевывая, что работаю я в основном дома, работа творческая, требует внимания и концентрации. Что мне нельзя отвлекаться и надо соблюдать дедлайны, что, в конце концов, сколько можно?

Но ехидный басок из-за стены на мою вежливость отвечал с подростковой прямолинейностью, отправляя меня в далекое эротическое и близкое эротическое.

А на мои угрозы пожаловаться предкам радушно приглашал прямо вот сейчас позвонить. И номер телефона диктовал, гад.

А меня заедало.

Ну как же так, я - взрослая, разумная женщина, двадцати четырех лет, полностью самостоятельная, неплохо зарабатывающая, между прочим! И не могу решить ситуацию с каким-то ошалевшим от безнаказанности подростком! Да я себя уважать перестану!

Во всей этой ситуации радовало только то, что наши с Витенькой ритмы не совпадали. Он уходил на учебу рано утром и возвращался поздно вечером, примерно в девять, затем ровно два часа насиловал мои уши скрежетом металла, который он называл музыкой, и валился спать. Слава Богу, без храпа.

Я же работала полночи, затем спала до обеда, раскачивалась часам к двум, и опять работала до восьми примерно. Затем наступало блаженное время отдыха, как раз с половины девятого и до десяти, когда я просто сидела в кресле перед панорамным окном и смотрела на город. Самое мое любимое время суток, моя подзарядка. Примерно в одиннадцать я опять садилась за компьютер и работала до трех-четырёх ночи.

И вот это вот мое блаженство и украл мерзкий сосед! Маленькая гадость! Хотя, судя по голосу и тяжелым шагам, совсем не маленькая. Уж точно побольше меня будет, учитывая мои полтора метра роста и телосложение дюймовочки.

Акселерация, чтоб ее. Некоторые школьники выглядят серьезными дядьками, а школьницы тетками, старше меня в два раза.

Из-за дурацкой войны с соседом сбивался мой рабочий режим, ночью трудилась непродуктивно, в глазах двоилось, цвета обманывали. И креатива никакого. А без креатива хорошему графику нельзя. Тем более моего уровня. Я же не рекламные баннеры ваяю, а сложные проекты веду. Клиенты на меня рассчитывают, потому что у меня имя. Репутация. Уровень. И в последнее время все это оказалось под угрозой из-за одного глупого недоросля.

– Слушай, ну будь ты человеком уже, – я вышла из ванной и решила еще раз попробовать договориться, – мне отдых нужен, мне потом полночи работать...

– Чего, проститутка, что ли? – подозрительно поинтересовался гаденыш, и все мои мысли о примирении тут же вымело из головы со свистом.

– Ах ты гад! Сволочь! Да я... Да я... Я участковому! В детскую комнату милиции на тебя!.. – от злости я уже не могла даже придумать, как еще можно урезонить сопляка.

– Ку-даааа? – с безмерным удивлением в голосе спросил сосед, помолчал, а затем выдал, – теть, ты там башкой ударилась что ли? Скорую вызвать? Или

климакс пришел уже?

- Дрянь! - взвизгнула я, опять швырнула тарелку в стену, поморщившись от грохота.

- Лечись, тетя, - посоветовал мне голос из-за стены, и через мгновение пол и стекла в квартире вздрогнули от мощного удара басов.

Я ошеломленно постояла с открытым ртом, а затем резко собралась и выбежала на улицу. Надо было срочно проветриться и прочистить мозги от затопившей их патоккой злости.

2

- Лар, ну вот что мне делать? - я уже полчаса ныла по телефону, жалуясь подруге на соседского тварюшку.

Та, надо сказать, выслушивала меня с олимпийским спокойствием и даже давала советы. Но все способы борьбы были либо уже использованы мной, либо непригодны и малоэффективны.

- Слушай, ну сходи ты к ним в гости, поговори с его матерью, в самом деле. Пусть она как-то на него воздействует.

- Да Лар, ты бы слышала ее! Она, похоже, надышаться на него не может, все Витенька и Витенька. Кудахчет вокруг него целый день, когда с дачи приезжает. Прикинь, а тут я заявляюсь с рассказом о том, какой ее сынок тварь. Думаешь, кто первая отхватит? А у меня весовая категория не та, чтоб с теткой стокилограммовой бодаться.

Я, оставив самокат на стоянке, уныло плелась по улице в сторону подъезда, тревожно прислушиваясь, ожидая, что музыка по-прежнему долбит до первого этажа. Но было тихо. И это обнадеживало. Или уснул или свалил куда-нибудь соседский гад. Хорошо бы на всю ночь.

Двигаясь в полутьме, освещаемой только фонарем у подъезда, я не сразу обратила внимание на копошение под ногами. Потом, когда меня коснулось что-то мокрое и холодное, испуганно взвизгнула от неожиданности.

Вроде благополучный район, крыс тут водиться не должно...

А это и не крыса!

Маленькое скулящее существо, тоскливо жалующееся на подлость судьбы или людей, выбросивших кроху прямо возле внутриквартальной дороги.

Я остановилась, присела на корточки.

Щенок. Маленький совсем. Меньше месяца. Непонятного бурого цвета, со слипшейся от грязи шерсткой. Такой не мог потеряться, слишком мал, чтоб гулять. Значит, второе. Выбросили. Такого маленького.

Я подняла его на руки, прикидывая вес. Примерно грамм триста, если не меньше. Укрыла дрожащее тельце своей толстовкой и понесла домой, мгновенно забыв о всех невзгодах.

Первым делом потеряшка был засунут в ванну, отмыт и накормлен печеньем с молоком. Слава Богу, есть он мог уже самостоятельно, это обнадеживало. Может, и выживет.

Я особо не умела обращаться с животными, мама не приветствовала никакой живности дома. Но какие-то базовые вещи конечно же знала. Да и Гугл в помощь. Полезла в интернет, выяснять, что надо сделать сначала.

Так. Помыть. Это сделала.

Проглистогонить. Это уже завтра.

Согреть. Я укутала животинку, оказавшуюся после мытья светло-кремовой малюсенькой кудрявой собачкой, девочкой, в плед, и уложила на подстилку возле кровати. И свалилась спать, наплевав на рабочий график и дедлайн. Слишком изнервничалась за этот вечер. Все доделаю завтра, в течение дня.

Надо только встать пораньше.

Утром, глядя красными от недосыпа глазами на веселый комок шерсти, прыгающий по моим диванным подушкам, я начала понимать маму, запрещавшую мне приносить домой животных.

За ночь я если поспала, то уже к утру и некрепко.

Собачонка, не переставая, скулила, плача так жалобно, что буквально сердце разрывалось. Наконец я не выдержала, взяла ее в постель, устроила под бок. И псинка, обрадовавшись, начала исследовать новую территорию, ползая по мне, как по водяному матрасу, возбужденно сопя и тыча мокрым холодным носиком в самые неожиданные места. В итоге она уткнулась мне в ямочку между ключицей и шеей, посопела и наконец-то затихла.

А я несколько часов лежала неподвижно, слушая тихое дыхание и страдая от острых коготков на лапках, периодически упирающихся в меня.

В отличие от меня, собачка, похоже, выпалась очень даже хорошо. И теперь активно крутилась по квартире, осматривая свое новое жилье.

А я задумчиво и сонно наблюдала за ее перемещениями, размышляя, что делать дальше. Просто оставить в квартире? Страшно. Мало ли чего натворит, даже такая маленькая. Да и с ней всякое может случиться...

Так!

Несмотря на сонливость, среагировала я вовремя и усадила начавшую крутиться на одном месте собачку на специальную медицинскую пеленку, непонятно, как оказавшуюся у меня в аптечке.

Собака все поняла правильно.

А я порадовалась, что хоть эта задача на время отпадает. При мысли, что мне придется еще и приучать ее к туалету, становилось уныло. Может, сдать ее куда-нибудь? Но сама эта идея показалась ужасной. А вдруг, ее опять выкинут? А я не узнаю даже, не помогу... Нет уж. Как там у Сент-Экзюпери? Мы в ответе за

тех, кого приручили? Вот-вот.

– Как же тебя назвать? – задумалась я вслух, наблюдая за цокающей по полу коготками псинкой. – Была бы ты мальчиком, назвала бы Шариком. Очень уж ты похожа на шарик. Круглая и пушистая. Но ты девочка. Значит, Бусинка. Тоже круглая и катается. Бусинка! Буся! Буся!

На удивление, собачка тут же подбежала ко мне и уткнулась носиком в ногу. Смешная. А на душе так приятно стало, тепло. И настроение поднялось. Я пошла делать какао и, пользуясь внезапно высвободившимся из-за раннего подъема временем, сидеть в любимом кресле и смотреть на город.

Я мерно покачивалась, прихлебывая какао, Бусинка попросилась ко мне на колени, уместилась, положив мордочку так, чтоб тоже смотреть на улицу.

Город просыпался, а я, пожалуй, впервые с момента въезда в эту квартиру, наблюдала здесь рассвет. И, глядя на розовые в утреннем солнце башни новостроек, поняла, что многое упускала, оказывается. Потому что присутствовать при пробуждении дня тоже было невероятно захватывающе. Смотреть, как плавно перетекают краски из красного в розовый, затем в светло-розовый, затем все оттенки сирени и лазури, с вкраплениями желтого, и все это богатство отражается в стеклах просыпающихся домов. Завораживающе!

Буся подняла ко мне мягкую мордочку, полностью соглашаясь с моим восторгом. Я опустила руку, погладила шелковистые кудряшки и буквально отключилась от всего мира. На душе было легко, спокойно и невероятно умиротворенно. Хотелось... Хотелось сделать что-то, серьезное, важное, но почему-то откладываемое именно до такого вот состояния души. Я поднялась, переложила сладко зевнувшую Бусю на сиденье кресла, и взяла планшет, открывая папку на рабочем столе, которую не решалась трогать с самого переезда.

Моя Кошка, моя независимая, свободолюбивая красотка, работа над которой застопорилась с некоторых пор, посмотрела на меня с экрана в упор. Могу поклясться, что она улыбалась! Ждала меня!

Словно говорила: " Ну привет! Ты вспомнила обо мне наконец-то? "

Я, не удержавшись, провела пальцами по экрану, замороженная тягучим глубоким взглядом.

Ты пришла ко мне, Кошка, заморозила и заставила рисовать тебя до черноты в глазах. А потом я поняла, что это не в глазах у меня чернота, а в рисунках. И моя Кошка сливалась с этим мраком, пряталась в нем, не желая выходить на свет.

Я убрала эти работы с глаз долой, но вот думала о них постоянно.

И сегодня, наконец, поняла, что было не так в моих рисунках! Рассвет, облизывающий башни домов длинным розовым языком, помог осознать.

Ведь Кошка гуляет не только в темноте. Я представила изящный силуэт на фоне ярких сочных красок рассвета, и задрожала в предвкушении. Да, теперь я знаю, как это сделаю!

Я работала до обеда, как одержимая, не отрываясь от планшета. И Кошка, моя свобододлюбивая личность, получалась именно такой, какой я и хотела ее видеть.

После небольшого перекуса я на тех же эмоциях быстро расправилась с горящим заказом и начала собираться в офис.

Долго думала, что делать с Бусей. Решила все же оставить дома, потому что графики – народ, конечно, креативный, но на первую встречу с заказчиками заявляться с собакой... Перебор, пожалуй.

Еще одним преимуществом моего нового жилья была его близость от метро и нынешнего места работы. Удобно добираться на самокате.

Правда, встретившись с ледяным презрительным взглядом заказчика, мгновенно оценившим мой слегка запыхавшийся внешний вид, веселый принт на футболке, свободные джинсы и легкомысленные светлые кудряшки в небрежном пучке, я подумала, что зря не взяла Бусю. Она никак бы не смогла еще больше уронить мой имидж серьезного профессионала в его глазах.

Но, как говорится, и не с таким справлялись, а мой пушистый и легкий образ вообще не соответствовал жесткому и независимому содержанию. В чем

заказчик, красивый, холеный мужчина, с повадками альфа-самца, смог убедиться буквально через пару минут, когда я приступила к сбору информации. А так как в свое время я неплохо покрутилась в продажах, то вопросы правильные задавать умела.

Да и с заказчиками лучше именно так, пожестче и поконкретнее. А то неприятные сюрпризы могут потом обнаружиться, в процессе работы. Недопонимания всякие. Которые выльются в неоплату работы. Плавали, знаем. Поэтому на берегу все выясняем, на берегу.

Мой непосредственный руководитель, Антон, прекрасно зная мою бульдожью хватку, легко устранился от переговоров, наслаждаясь зрелищем.

А заказчик, Вадим Петрович, оказался на удивление вменяемым человеком. По крайней мере, уже через пять минут перестал удивленно таращить глаза на каждое мое предложение, и только иногда на Антона оглядывался, словно подвоха ждал.

Я чувствовала, что все идет, как надо, поэтому быстренько завернула к подписанию договора, раз уж основные пункты всем ясны, и скромненько свалила, оставив начальника и заказчика вдвоем. По сумме это уж пусть Антон дотягивает, я свое получу в любом случае.

На улице я с удовольствием вдохнула летний теплый вечер, погуглила ближайший зоомагазин. Печенье с молоком, это, конечно, прикольно, но собаку надо нормально кормить, а еще и проглистогонить. Раз уж она в мою кровать нацелилась. Да и прививки не помешают. И выяснить бы, что за порода. Пушистая, кудрявая, светлая, прямо как я. И мордочка умильная. Как такую Бусю у какой-то твари рука поднялась выбросить...

– Екатерина, вас подвезти?

Задумавшись, я не заметила, как подошел заказчик, и вздрогнула.

– Нет, спасибо, мне еще по делам надо.

– Я подвезу вас, куда скажете. – Вадим Петрович улыбнулся, показав отличные белые зубы. Весь его вид, уверенный и вальяжный, говорил о том, что в положительном ответе он не сомневается. Даже жаль разочаровывать.

– Спасибо! Но мне, в самом деле, надо по делам, не хочу вас утруждать.

– Садитесь, у меня есть свободное время.

Ого! Меня довольно крепко и настойчиво прихватили за локоток и подвели к хорошему седану представительского класса.

Я, немного оторопев от бесцеремонности, сначала вырвала локоть и хотела отступить на шаг назад, но потом подумала, что не стоит. Хочет заказчик помочь, пусть помогает. Это точно ни к чему не обязывает.

Убрав самокат в багажник, Вадим Петрович (Ну что вы, Катерина, просто Вадим, и можно на ты) усадил меня на пассажирское спереди, сам уселся за руль.

Я чувствовала себя немного неловко, не зная, о чем говорить. По работе мы уже все выяснили. Место, куда меня надо отвезти, я сказала. О погоде глупо.

После третьей моей благодарности за помощь у Вадима Петровича (Вадима, Катерина, я же просил тебя!) задергалось веко.

– Зачем тебе в зоомагазин? Кошка?

– Нет, собака.

– Странно. Я почему-то думал, что у тебя кошка. Тебе бы подошло.

– Почему?

– По характеру. Кошки – они такие, внешне милые и пушистые, а коготки жесткие и острые.

Я помолчала, не зная, как воспринимать. Compliment? Оскорбление?

А не плевать ли? Тем более, что уже приехали.

– Спасибо большое, что подвезли!

– Я подожду вас.

И даже без вопросительной интонации? Очень уверенный в себе мужчина. Ну пусть ждет.

В магазине я, никуда не торопясь и советуясь с консультантом, купила все необходимое для моей Буси, в глубине души желая, чтоб Вадим Петрович уехал, не дождавшись.

Но нет, машина стояла на прежнем месте, водитель галантно отобрал у меня покупки и загрузил в багажник. Настойчивый. Ну, зато на такси сэкономлю.

У подъезда, помогая мне выгрузить из багажника Бусины подарки и самокат, Вадим Петрович, наконец, обозначил цель своего внимания ко мне.

– Катерина, я бы хотел встретиться с тобой еще раз. Может, вечером поужинаем где-нибудь?

Ага, альфа-самцовость на полную, ладошку мою в руке своей придержал. Тембр голоса низкий, очаровывающий. Ну все, по законам жанра, я должна растечься и сползти прямо под ноги в дорогуших имиджевых кроссовках. Смешно-то как, Господи! И что со мной не так?

– Вадим Петрович. Я понимаю ваши намерения, и мне очень приятно, что я... – Так, не передавливать, не обижать. Тебе с ним еще работать, а ему тебе еще деньги платить. – Но у меня четкое правило: не встречаться с заказчиками и не смешивать работу и удовольствие.

И добавила, пока Вадим Петрович открывал рот, чтоб обескуражить меня контрударом:

– И второе правило – не встречаться с женатыми мужчинами.

Красноречивый взгляд на след от кольца на безымянном. Ну как дети, ей Богу!

Так, а теперь легко попрощаться, улыбнуться и свалить на свою крышу, к своей собаке и своей, так удачно получившейся и зовущей меня к себе, кошке, которая гуляет сама по себе. Прямо, как я.

Дома, оценив масштаб разрухи, нанесенной одим маленьким, невероятно милым существом всего за три часа моего отсутствия, я начала понимать тех, кто избавился от Буси. Хотя, вру. Такого я никогда не пойму. Но душу, конечно, отвела, убирая последствия разгрома.

- Ты чего там орешь, тетя? - ехидно спросили из-за стены. - Мужик не удовлетворил? Не в настроении? А надо таблетки потому что начинать пить.

- Какие? - только и смогла выдавить я, потому что горло от гнева перехватило. Гад какой! Неужели видел, значит, как меня Вадим Петрович подвез и выгружал, и выводы свои мерзкие сделал! И откуда он, интересно, знает, как я выгляжу? Я-то его физиономию поганую и не знаю еще! И хорошо, что не знаю!

- От климакса, конечно! - и довольно заржал.

Я подпрыгнула на месте, закипев, как чайник, взгляд заметался по квартире, останавливаясь на все той же многострадальной железной тарелке.

И да, грохот получился шикарный.

- Сопляк!

А вот мой визг на ультразвуке вышел настолько некрасивым, что я сама чуть уши не зажала.

- Тетя! Лечись! - по слогам наставительно произнес соседский гад, и показательно врубил музыку. На этот раз меня побаловали Раммштайном. Это был отдельный вид пытки, потому что я знала немецкий язык. И неплохо. И очень, просто очень пожалела об этом!

Буся подпрыгнула и внезапно завывала, подпевая солисту. Вполне себе мерзко. Я посмотрела на предательницу, покачала головой и ушла в ванну. Мыться и приводить нервы в порядок. И придумывать способы мести. Потому что оставлять это просто так уже было невозможно. Ну ладно я, но ведь гаденыш и собаке моей музыкальный слух испортит!

Когда я вышла из ванной, музыка уже не грохотала, Буся лежала на диване, с наслаждением догрызая мой любимый носок с пушистыми помпонами, а соседский гад говорил по телефону. Похоже, еду заказывал.

- А чего, номер не определился? - пробасил он, - сейчас... Восемь, девять, три...

Я кинулась к телефону, вбивая отчетливо диктуемые цифры.

Мсть! Мсть! Мсть!!!

Затем потратила час, занимаясь осуществлением своих грандиозных планов.

С девяти до одиннадцати прослушала привычный микс из самых мерзко звучащих групп, что смог найти гаденыш. И даже с улыбкой на губах. И затычками в ушах, не сильно помогавшими, но хоть немного сбивавшими накал лязганья металла. Буся, после первого своего выступления, почему-то больше не солировала. Все же не потеряны ориентиры у собаки. А прошлый срыв запишем на дикую самцовую привлекательность солиста Раммштайн. Может, она как-то через этот низкий утробных хрип, который у него вместо голоса, передается? А Буся все же девочка, хоть и собачья.

3

А уже с самого утра я получала огромное удовольствие, слушая постоянные звонки и раздраженные вопли соседа, что он не делает ремонт, не продает котят породы сфинкс, не ищет женщину строго от сорока лет, пухлого телосложения, не оказывает интимные услуги на дому. И массаж простаты тоже не делает!!!

Конечно, это подло, но Господи, до чего классно! Хоть какая-то компенсация за мои мучения!

Я давилась смехом в подушку, вытирая слезы и нацеловывая Бусину удивленную мордашку. Вдоволь наслушавшись, как соседский гад отбивается от телефонных маньяков, я вспомнила о делах насущных, и повезла Бусю в ветклинику делать прививки. На обратном пути зарулила к подружке, недавно съехавшей со своим парнем. Лара давно звала, но я со всеми этими ремонтами, переездами, работой и затяжной войной с соседом никак не могла вырваться.

Наумилявшись на Бусю и квалифицировав ее, как той-пуделя, Лара начала интересоваться моей личной жизнью в логичном желании человека, уже устроенного, помочь с тем же самым счастьем подружке. Я вяло отбивалась, не желая грубить. Лару я знала со школы, дружили мы крепко и любили друг друга, как сестры. Поэтому к бесцеремонности ее я привыкла за столько лет.

Перевела разговор на основную свою печаль – соседского гаденыша. Поржав над удавшейся мстью, Лара задала неожиданный вопрос:

– А сколько ему лет-то?

– Восемнадцать исполнилось, похоже, – пожала я плечами, – слышала, как родители его говорили, что надо мальчику на восемнадцатилетие подарок придумать.

– Надо же! В институте учится, наверно. И такой говнюк.

– Учится. Каждый день ходит, уroda кусок. И возвращается вечером. И сразу музыку свою проклятую врубает. – Пожаловалась я уныло.

– А как это он летом учится? – удивилась Лара.

– Не знаю... – Я задумалась. – Может, какие-нибудь занятия подготовительные?

– А ты его видела вообще?

– Нет! И не горю желанием. А то не сдержусь и прибью. Еще и посадят из-за такого уroda.

– Коть, – опять свернула на наезженную трассу Лара, – вот видишь, как плохо одной? А был бы мужик у тебя, поговорил бы с ним по-мужски.

И, наблюдая мое скривленное лицо, смилостивилась, отставая:

– Давай я Лелику скажу. Он решит.

Лелик у нее всю жизнь занимался гиревым спортом, в совокупности различными видами единоборств, и в недавнем прошлом был постоянным участником подпольных боев без правил. В том, что он мог решить вопрос, я не сомневалась. Но опасалась опять же, что перестарается, и тогда в тюрьму введем вместе. Он, как исполнитель, а я, как заказчик.

Нет уж. Буду своими силами справляться.

После Лары я прошлась по магазинам, вызывая у всех встречных веселые улыбки маленькой задорной мордьяшкой Буси, выглядывающей из кармана легкого летнего кардигана.

Потом прогулялась в парке, посидела на зеленой травке, умиляясь на пушистый светло-кремовый комочек, с энтузиазмом катающийся вокруг меня.

Столько положительных эмоций я не получала уже очень давно. Последний раз, когда диплом получала. С отличием.

Лениво покусывая травинку, я думала о том, что в моем свободном графике работы есть множество положительных моментов. И почему я раньше вот так вот днем не выходила на прогулку? Столько всего упускала, оказывается. Так что маленькая Буся своим появлением открыла еще одну прекрасную сторону жизни.

Явившись домой уже вечером, я сразу получила дополнительный огромный позитивный вброс адреналина от охрипшего и усталого голоса за стеной, доказывающего, что номер неверный, и никакого отношения к вязке котов

породы мейкун он не имеет.

Какой чудесный день!

Не сдержавшись, захихикала в голос и испуганно зажала рот ладошкой.

Стена замолчала, а потом спросила подозрительно:

- Тетя, а это не твоих ли рук дело?

Тут меня все же прорвало диким хохотом, и я повалилась на диван, под трехэтажный мат придурка, расписывающего в красках, что он со мною сделает, если я ему в руки попадусь, и взволнованный лай Буси, решившей, что со мной плохо.

Но со мной было хорошо, просто отлично. Ровно до тех пор, пока пол квартиры опять не сотрясло от диких басов. И это было вообще без музыки, просто дикий вой на одной металлической ноте, до того пронзительный, что Буся, взвизгнув, спряталась под диван.

Я сразу же разозлилась на гадского соседа. Посмел мне собаку нервировать! Она-то в чем виновата?

Я приветливо постучала металлической тарелкой о стену, звук чуть приглушили. О, может, готовы к переговорам?

- Слушай, ты, - вежливо начала я, помня, что приветствие и установление контакта - это уже половина сделки, - давай все же поговорим, а?

- О чем, тетя? - голос бухтел прямо над ухом, я даже отскочила на шаг. Офигеть, совершенно картонная стена! Как я этой тарелкой металлической ее еще насквозь не пробилла?

- Давай находить какие-то точки соприкосновения что ли... Часы, когда твое увлечение музыкой будет наименее травматично для меня.

– Да я же не виноват, что ты гуляешь всю ночь, а потом спишь до обеда? – возмутился сосед, – я устаю, должен же когда-то отдыхать?

– А я? – Нет, ну надо же, гад какой! Он, то есть, отдыхает, а я тут на стену лезу! – Я должна отдыхать? И я работаю ночью, сколько тебе говорить?

– Ага, – ехидно хмыкнула стена, – точки соприкосновения ищешь!

– Тварь!!!

– Климактеричка!

Металлический звяк тарелки и мощный удар басов в ответ.

Переговоры зашли в тупик.

4

Утром я опять вскочила ни свет ни заря, потому что Буся устала спать. И потребовала еды и внимания. Да, похоже, владельцам собак тяжело приходится...

Раз уж поспать не удалось, я налила какао, встретила рассвет, полюбовавшись невероятными переливами солнечных лучей в перьевых облаках у горизонта, словила отчего-то невозможный заряд бодрости и решила пойти на пробежку. Ну а что, надо же когда-то начинать? А то поправилась, работая дома. Уже сороковой размер не налезает.

Я отыскала старые треники и кроссовки, завязала волосы в пучок, укоризненно посмотрела на Бусю, выполнившую свою миссию по побудке меня и увалившуюся досыпать на освобожденную кровать, и вышла из квартиры.

Настроение было потрясающим, приподнятым и даже где-то лирическим. Ровно до того момента, пока взгляд не уперся в намалеванную жирной зеленой

краской надпись у моей двери:

" Катя - овца! "

Я встала, как вкопанная, не веря глазам своим. Потом потерла пальцем уже успевшую подсохнуть краску. Акрил, похоже. Фиг сведешь.

И так разозлилась, что чуть не набросилась на соседскую дверь с кулаками. Сомнений, кто накалял эту мерзость, у меня не было. И имя мое знает, скот!!!

Я попыталась все же ногтем отколоть краску, испортила маникюр и взъярилась еще сильнее!

Хотела было вернуться в квартиру, постучать в ненавистную стену и высказать гаду все, что о нем думаю, но поняла, что он, скорее всего, только этого и ждет, чтоб опять обматерить меня, поэтому развернулась и пошла выполнять свою миссию.

Я хотела побегать? Я побегаю! И никакие соседские гады меня не остановят!

Спорт не отвлек от мыслей об убийстве придурка, и на нервах я пробежала гораздо больше, чем планировала. Обрато возвращалась пешком и прихрамывая. После такого хотелось только доползти до дивана и рухнуть. С чего это я решила, что спорт - это мое? Нисколько не мое!

Выйдя из лифта, я задержалась, зашнуровывая кроссовок, и услышала стук соседской двери, топот, а затем подозрительную возню.

На цыпочках я прокралась по коридору до двери, отделяющей две наших квартиры, и застала соседскую тварь прямо на месте преступления, увлеченно царапающим что-то на стене, возле моей квартиры.

От усталости и боли не осталось и следа, и я, переполненная гневом, с диким воплем: "Скотина!", бросилась прямо на спину преступника.

И, только подлетев ближе и треснув несколько раз кулаками, куда попало, я поняла, что слегка переоценила свои возможности.

Потому что парень, вздрогнув от внезапного подлого нападения, распрямылся, став ровно на две головы выше меня, молниеносно перехватил мои молотящие кулаки и легко поднял за оба запястья вверх одной рукой, заставив беспомощно болтаться, еле доставая ногами до пола.

Сделал шаг, прижимая меня к двери моей же собственной квартиры, и удивленно спросил:

– Ты чего, припадочная?

Я, на секунду зависнув, потому что ну вот совсем иначе я представляла себе восемнадцатилетнего парня, опомнилась и брыкнула его ногой. Никуда не попала, но попытка была засчитана, и меня подняли в воздух и насадили на упертое в стену бедро. Мощное такое, крепкое.

Я взвизгнула и опять задержалась, после чего широкая ладонь зажала рот. Тут-то меня и накрыло осознание.

Утро. Пустой подъезд. Я одна с таким дегенератом, что и слов-то приличных не подберешь. Да еще и обездвиженная полностью! Даже крикнуть не могу!

Я испуганно замерла, уставившись в серые злые глаза, оказавшиеся внезапно очень близко от моего лица.

– Кричать будешь, овца? – тихо и грозно спросил гад, продолжая меня держать железной хваткой.

Я все же еще разок дернулась. Наудачу. Мало ли? Но нет, безрезультатно. И как это только умудрился меня так быстро и ловко спеленать?

Фыркнула ему в ладонь, признавая свое поражение, и помотала головой. Не буду. Отпусти только.

Ладонь тут же убралась с моего рта. Правда, все остальное осталось на месте.

– Пусти, скот! – яростно зашипела я и опять дернулась.

– Боюсь, а вдруг снова кинешься? – усмехнулся этот подонок, – кто вас, климактеричных баб, знает?

– Гад! Сволочь! Скотина! – я опять дернулась, выкрикивая оскорбления прямо в мерзкую физиономию, но он лишь перехватил покрепче, да подкинул меня на бедре повыше, заставив испуганно взвизгнуть и замолчать.

– Теть, у тебя если крыша едет, и ты на людей бросаться начинаешь, то надо лечиться! Или уже в дурку ехать сдаваться. – Он говорил, насмешливо кривя губы, выпаливая мне издевательства прямо в лицо. Хам малолетний!

– Хам малолетний! Сотри эту гадость со стены!

– А с чего ты взяла, что это я сделал?

– А кто еще? – возмутилась я.

– Да мало ли, кому ты тут на мозоль наступила, стерва!

– Ах ты! – да что же это такое! И не вырваться никак! Держит, как обучами железными сковывает! – Убирай все! И меня отпусти! Я в полицию!

– Да это мне в полицию надо, – рассмеялся он, – ты на меня первая напала! Со спины! Таракашка мелкая!

– Тварь! Какая же ты тварь! Да я матери твоей! Пусти!!!

Я не выдержала и расплакалась злыми слезами.

Сосед молча опустил меня на пол и убрал руки.

Я, еле сдерживая рыдания, развернулась, с трудом попала в замок ключами, распахнула дверь и забежала к себе.

И тут же задохнулась унижительных слез.

Гад, какой гад все же!

Выпив воды, я немного успокоилась. Ужасное происшествие совершенно выбило меня из привычной колеи. Сколько я не плакала? Боже мой, даже и не вспомню. А тут какой-то соседский ушлепок...

Стало невозможно стыдно и обидно.

Поставила кружку на стол и увидела, что на запястьях наливаются уверенным красным цветом синяки от железных пальцев соседского гада.

Кошмар какой! Припомнились его злые серые глаза, кривящиеся в ухмылке губы, щетина на щеках. И точки пирсинга на брови. Очень высокий, сильный, крепкий. Если бы точно не знала, что ему только восемнадцать, никогда бы не подумала. Сосед смотрелся моим ровесником, по меньшей мере.

Акселерация, чтоб ее. Страшно подумать, как выглядят его однокурсницы. Я, наверно, на их фоне вообще девочка пятнадцатилетняя.

Смазав синяки гепариновой мазью и утешив себя мороженым, я без сил уселась в любимое кресло и с горя уснула прямо в нем, под мерное покачивание и уютное сопение Буси.

5

– Слышь, тетя? – за стеной что-то мощно грохнуло, слава богу, об пол. Мысленно изо всех сил пожелав, чтоб это была тупая башка соседа, я немного подождала, решая, можно ликовать, или пока что скорую вызвать?

– Теть! Ты спишь там что ли? Не ныкайся, я же знаю, что дома, я палил.

Да, пожалуй, что даже если тот грохот был от соприкосновения пола с пустой головой, очевидно, голове ущерб никакого не причинилось. Нечему там ущерб причинять.

– Чего тебе? – недружелюбно спросила я, рассматривая посиневшие следы от железных пальцев на запястьях и размышляя, а не пойти ли мне побои снять? А что? Отличный способ давления! В конце концов, никому не позволено вот так вот хватать, удерживать, запугивать.

Хотя, интересно, мои кулаки нанесли хоть малейший вред его каменной спине? А если да? Вдруг тоже пойдет побои снимать, мне назло? С такого гада станется... И будем мы, как дураки, друг на друга заявления писать. И все отделение над нами ржать будет...

– Я это... – стена смущенно замолчала, потом явственно раздался перетоп, словно бегемот на водопой пришел и топчется, – я тебя не сильно там... Напугал?

– Да пошел ты! – я фыркнула, вставая с кресла, пытаюсь прийти в себя после незапланированного дневного сна, и топая на кухню за запеканкой, – тоже мне... Еще щенок какой-то будет мне... Я, если хочешь знать, вообще ничего не боюсь! – повысила я голос, ставя запеканку в микроволновку.

– Ага, я заметил, – съехидничала стена, – по ночам шляешься одна влежку.

– Да какое твое щенячье дело? – возмутилась я, забыв про запеканку и подойдя к стене, – я – взрослая женщина! Мне двадцать четыре года! Я...

– Фигасе! – раздался из-за стены насмешливый присвист, – старуха совсем!

– Ах ты гад! – я подхватила незаменимую тарелку и с наслаждением грюкнула о стену, – немедленно стирай с моей стены эту гадость! А то сфотографирую и в полицию пойду, понял? Ты уже взрослый, по малолетке не пройдешь!

– Рехнулась совсем, старушка, – забубнил голос, удаляясь, – за надпись зоной грозит... Нездоровая у тебя какая-то тяга к местам лишения свободы, а, тетя? Любишь одиноких brutальных мужиков?

И, пока я придумывала, что бы такое уничтожающее сказать, пол в очередной раз сотрясся, и на всю квартиру запел Круг.

Проникновенно, размеренно и очень громко!

И вот что я вам скажу! Лучше бы я Раммштайн слушала!

Я обреченно вздохнула, заткнула уши специальными шумопоглощающими наушниками, на которые пришлось недавно разориться из-за этой твари, поела и попыталась работать.

Буся забралась мне на колени, на Круга никак не реагируя.

Работа не шла. Руки дрожали, настроения не было, Круг удачно пробивался даже через хваленые наушники за двадцать пять тысяч рублей. Врут производители. Вводят покупателей в заблуждение, обещая полную тишину. Ну, или русский шансон настолько едкий, что в любые щели пролезет.

С расстройства я отложила Кошку, которая все равно не шла, а презрительно вильнув хвостом, растворилась в темноте рисунка. Ну да, я помню, красотка, ты гуляешь сама по себе. И, наверно, тебе Круг не очень нравится...

Раскрыла заказ Вадима Петровича, который, на удивление, под шансон сваялся. Даже странно... Хотя, чего тут странного? Шинный бизнес... Как раз под такое хорошо идет. Надо взять на заметку.

Сделав наброски и накинув примерный концепт, чтоб было от чего плясать завтра, я улеглась на диван, сунула радостную Бусю под бок, и, попав в паузу между двумя песнями о девочках-пай, громко сказала:

- Вот не понимаю я одного: неужели никто не жаловался на такого скота? Ведь до первого этажа грохот. Внизу, наверно, с ума сходят не хуже, чем я...

- А не живет никто внизу, тетя, - тут же раздался довольный басок из-за стены, - обе квартиры пустые. А остальным нравится!

- Дааа, - я задумчиво погладила Бусю, та, решив поиграть, с готовностью куснула меня за палец, - какая культура низкая в доме. Кто бы мог подумать...

– А, может, это ты старая стала, тетя? – ехидно поинтересовался гад, ритмично грюкая чем-то тяжелым, – рок тебе не нравится, металл тоже... Я думал, хоть шансон зайдет, нихрена.

– Ты зато очень молодо выглядишь, щенок, – позевывая, съязвила я.

Настроение было почему-то умиротворенным, Буся, мягко отталкивая лапками, как котенок, с увлечением грызла мои пальцы, смотреть на нее было одно удовольствие. И мерзкий сосед уже не особо раздражал. Тем более, что шансон он наконец-то выключил и теперь топтался за стеной, громко пыхтя и гремя чем-то.

Мне даже интересно стало, что он там такое делает?

– Ты чем там бьешь о пол? – не сдержав любопытства, спросила я, – головой, надеюсь?

– Качаюсь, – пыхтение раздалось громче, за ним скрип, словно сосед сел на кресло или диван.

О, ну все понятно. Я перевела взгляд на свои синие запястья, поморщилась. Конечно, чтоб так умело и сильно схватить, надо специально тренироваться. Скот...

Но привычной ярости почему-то не ощутила. Наверно, перетрудилась. Да и соседский гад отвечал с ехидством, конечно, но без привычной озлобленности. Может, воспользоваться моментом, и все же попытаться наладить хоть худой, но мир?

Но не успела я придумать и выстроить в голове примерный диалог, как зазвонил телефон. Черт! Такой хороший момент упущен!

Я тапнула на зеленую трубку:

– Коть! – Лара звучала довольно возбужденно и очень громко, – собирайся давай! Я тут одна и мне плохо!

Я замерла изумленно, забыв отрегулировать динамик. Лара была явно не в себе, запинаясь, то смелась, то плакала, на заднем фоне шумели мужские голоса и музыка. Беда. Неужели опять за старое?

Был в ранней юности за Ларой такой грех: при любом срыве ее несло, как листок в осеннюю хмарь, и обычно выносило туда, где все очень хорошо с алкоголем и все очень плохо с безопасностью. В притон, короче говоря. Там Лара обычно давала себе волю, поглощая все, что горит, и чувствуя себя звездой местного танцпола. Посетители подобных заведений ужасно радовались и проявляли инициативу. Сколько раз я ее вылавливала и спасала от горячих намерений прилюдных кавалеров, не сосчитать. Сначала было страшновато, не скрою. Но опыт приходит с практикой.

Лара, дитя бомонда, гуляла, как в последний раз, ее модельная внешность делала ее звездой любой тусовки. И, конечно, желающих было без счета. И даже вполне приличные попадались. С серьезными намерениями.

Вот только Лара, со своей бедовостью, выбирала вегда не тех. Разочаровывалась, расстраивалась, загуливала. И все шло по кругу.

Но на последнем курсе института Лара встретила Лелика, и он с первой же встречи жестко взял мою безбашенную звезду в оборот. Я, сначала невероятно напуганная страшным мужиком в татуах, бесконечно осаждающим Лару, через какое-то время все же заметила, что Лелик, хоть и жуток невероятно, но к Ларе относится с невозможным трепетом, буквально пылинки с нее сдувает. Никогда ни слова поперек. Будь его воля, так и носил бы все время на руках, не разрешая маленьким ножкам по земле ступать, чтоб не испачкались. При этом Лелик с несвойственной его внешности сообразительностью споро очистил ближний круг своей принцессы от каких бы то ни было особей мужского пола. Она повоевала, конечно, но потом успокоилась. Слишком счастлива была.

Я искренне радовалась за подругу, понимая, что такой бешеный нрав может удержать только очень спокойный и любящий мужчина, и была уверена, что дело идет прямым к свадьбе.

И вот на тебе!

Лара одна, в каком-то притоне, и, судя по всему, Лелик не в курсе! Иначе бы давно уже ее там не было.

– Лара, сядь, пожалуйста, за столик, – громко и как можно более спокойно попросила я. – И выпей кофе.

– У меня нет столика! Здесь бар! И я иду танцевать на стойку! Помоги мне, мальчик... – Раздалось кряхтение, потом грохот и хриплый, совершенно пьяный смех подруги, от которого меня морозом пробило. Что же такого должно случиться, чтоб она так расслабилась?

И где, черт возьми, Лелик???

– Лара, ты как? – тревожно спрашивала я, влезая одной ногой в брючину и выискивая кофту с длинным рукавом и на пуговицах.

Судя по музыке, вырывавшейся из динамиков телефона, в платье там появляться нельзя было.

– Я? – удивленно пропыхтела подруга, – да я – супер! Супер! Приезжай, а? – последние слова она произнесла до того тихо и тоскливо, что я задохнулась и стала собираться в два раза быстрее, пытаюсь попутно выяснить, в какую забегаловку занесло мою бедовую подругу.

Услышав сакраментальное "Огонек", смогла только застонать в ужасе. Из всех значных мест своего немалого и довольно криминального района Лара умудрилась выбрать самое днице.

Набирая в приложении такси адрес, я опасалась, что машины не будет. Ну кто туда поедет, даже пусть на улице летний длинный вечер?

Но, на удивление, машина нашлась быстро.

Я вылетела из дома, как пробка из бутылки шампанского, и даже не задумалась о странности в поведении соседского гада.

За все время, что я разговаривала, музыка не врубилась ни разу.

– Ларочка, ложись спать, я тебя умоляю... – уже в десятый раз укладывала я беспокойную подругу, никак не желавшую угомониться. Судя по тому, какое количество спиртного сидело в ее организме, Лару должно было вырубить еще час назад. Но нет!

Каждый раз, отправленная спать, успокоенная, она через пять минут упрямо вставала и шла ко мне на кухню, пытаюсь донести мысль о том, что свобода – самое главное, а все мужики – козлы! И свободой надо пользоваться, а всех козлов – прочь!

В принципе, я была с ней согласна по многим пунктам. Но выяснить, куда девался главкозел Лелик, и отчего моя подруга так внезапно сменила жизненный вектор, пока что не удалось.

Ну, допустим, сначала было не до выяснений. Пока я доехала, пока зашла, пока сняла Лару со стойки бара и оторвала от блудливых лап многочисленных поклонников ее танцевального таланта, времени на откровения не нашлось как-то.

Только предельная концентрация, упорство, умение делать лицо кирпичом и немалый подобный опыт в прошлом помогли избежать серьезных разборок.

Я, несмотря на свою малогабаритную внешность, была вполне способна оттранспортировать подругу сначала к столу, по пути отбиваясь от желающих помочь и заодно пощупать Лару, неудачно нарядившуюся в мини, а затем и к выходу из забегаловки, где уже ждало такси. Хорошо, хоть счет не пришлось оплачивать, один из поклонников уже постарался. Наверно, мужчина рассчитывал на компенсацию, но я ж не Лара! Я, в отличие от булькающей надо мной подруги, могла говорить, и высказалась по полной. После чего утащила тяжелый мой сегодняшний груз к машине, стараясь выглядеть уверенно и гордо. Чтоб никому в голову не пришло догонять и уточнять, что это такое я имела в виду.

В такси Лара начала мне сбивчиво рассказывать невозможно грустную, но абсолютно непонятную из-за пьяных слез и икания историю о своей неудавшейся любви, но уснула примерно в начале повествования.

Дома Лару разморило окончательно, я уложила подругу в кровать, оставила рядом бутылку воды и две таблетки аспирина, приткнула на пол тазик на всякий пожарный. И ушла на кухню пить чай и вызывать такси, по опыту зная, что она проспит до середины завтрашнего дня, сто процентов.

Но Лара, судя по всему, в этот раз пила что-то необычное, потому что буквально через пять минут возникла на пороге кухни и начала слезливо жаловаться на жизнь, козла Лелика и вообще...

Я увела, утешила и уложила спать.

Спустя пять минут она появилась на кухне снова...

Спустя полчаса акробатики мне, похоже, удалось ее успокоить. Посидев для верности еще минут десять, я решила ехать домой и вызвала машину.

Ларе я наберу завтра ближе к вечеру. Все равно раньше она не проснется, а сидеть и караулить ее сон я не могла. У меня еще работы вагон. И Буся. А вдруг соседский гад в мое отсутствие опять включал свою грохоталку? А вдруг собачка испугалась?

Возле подъезда дорогу мне перекрыла огромная фигура.

Я на инстинктах схватилась за сердце.

Вот уж точно, козел! Так пугать!

– Лелик, чтоб тебя! – прошипела сквозь зубы, еле сдерживаясь, чтоб не засветить ему по физиономии. За испуг, за нервы мои, за подругу обиженную. Правда, пришлось бы долго прыгать, чтоб дотянуться до его лица. Но я бы очень старалась!

Лелик, виновато сгорбившись и пробубнив извинения, немного сдвинулся, и я поняла, что до него уже кто-то дотянулся. И не раз. Физиономия, и так не отличавшаяся красотой (непонятно, что Лара, такая красотка, нашла в этом чудище), была основательно подправлена. Особенно досталось многократно уже ломанному носу и губам.

Я даже злорадство не стала подавлять.

- Что, - ехидно спросила, обходя его по дуге, - хорошо погулял?

- Коть... Как она?

Ну надо же, вид прямо бабочки - капустницы. Нежной однодневки! И глазки мы опустили, и ручки мы сжали умоляюще. А костяшки-то сбиты, и на пальцах кровь.

- Нормально. Спит. Я домой. Сами разбирайтесь.

У меня не было желания разговаривать с ним. Явно накосячил, пусть и находит выход из положения сам.

У меня и так день был плохой.

С самого утра не задался.

Сначала один придурок малолетний чуть не убил прямо возле двери собственной квартиры, затем уснула так неудобно в кресле-качалке, что до сих пор шею ведет, потом четыре часа работала под чудесное музыкальное сопровождение (спасибо тебе, мой маленький мерзкий сосед!), и апогей шикарного дня - отгрузка пьяной подруги домой и полчаса веселых танцев с бубном в попытках ее успокоить и уговорить не искать дальше приключений на свою пятую точку.

После всего этого, разговора еще с одним мудаком я не потяну просто. Физически.

- Я... Боюсь чего-то. Может, останешься, а, Коть?

А вот это уже интересно! То есть, про Ларин променад по значным местам мы не в курсе, иначе бы не выглядели, как виноватый буйвол. И наглость, конечно, нереальная!

– А ты наглец, приятель, – я развернулась, изучая это чудо природы медленно и зло, и не собираюсь просвещать его насчет Лары. Пусть уж сама как-нибудь. Если вообще с ним говорить будет. – То есть, накосячил, а теперь за мой зад прячешься? А ты не думаешь, что я первая тебе яйца оторву, если подруга попросит?

Он виновато помялся.

Подъехавшее такси нетерпеливо гуднуло, Лелик развернулся, резво подскочил к двери водителя и что-то тихо сказал ему.

Ну все, прощай моя машина, судя по выражению лица шофера, сейчас он свистанет так, что покрышки оставит здесь, истерично крича по рации, чтоб поставили мой номер телефона в черный список.

И пойду я до дома пешком. Хотя нет! На Лелике поеду! Ездовой козел будет!

Но машина осталась на месте, а лицо Лелика, возвращавшегося ко мне, казалось уже более спокойным.

– И что же ты такого натворил, Леля? – решила все же поинтересоваться я, раз уж застряла тут с ним.

– На бой пошел... – Лелик опустил глаза, заметно стыдясь.

– Да ладно! – не поверила я, прекрасно помня жуткие войны подруги с этим кровавым увлечением ее парня. Она, собственно, и не подпускала его к себе так долго, не рассматривала, как хоть какой-то вариант для отношений, именно по этой причине.

В итоге Лара сумела настоять на своем, согласившись съехаться с ним только тогда, когда с боями будет покончено, и взяв по этому поводу Самую Суровую Мужскую Клятву.

Я была свидетельницей всей этой ситуации, и прекрасно знала, что пережила подруга, пока не добилась своего.

Лара вообще человек миролюбивый, пацифистка, можно сказать. Лелика она увидела в одном из подпольных клубов, куда ее привел, желая пустить пыль в глаза, какой-то очередной мажор-ухажер. У нее их полно было всегда. Высокая, невозможно красивая, она подрабатывала на досуге фотомоделью и участвовала в показах. Неудивительно, что такая девушка была популярна. Я рядом с ней всегда смотрелась маленькой болонкой при шикарной гончей.

Мажор, я думаю, сильно пожалел о своем решении, потому что Лару мало того, что оскорбило даже предположение, что ей может понравиться подобное зверство, так еще и последние шансы на продолжение общения потерял. Потому что именно тогда, в толпе, задыхающаяся от омерзения и практически теряющая сознание от вони крови Лара встретила глазами с Леликом.

Лелик пропал сразу, как увидел. Проиграл тогда бой, потому что сосредоточиться не смог. Из-за того, что его вырубили прямо на ринге, впервые, кстати, за всю профессиональную карьеру, Лелик не смог сразу заявить свои права на шикарную шатенку.

Поэтому встречал на следующий день с букетом цветов у института. И дождался только того, что красотка просто мимо прошла, даже не глянув. Сморщив носик брезгливо.

После этого Лелик закусился, и наш спокойный университет насладился нереальной историей ухаживаний, осадой крепости, с рассыпанием букетов роз под окнами аудиторий, сделанными на заказ баннерами напротив входа с признаниями и комплиментами и применением всего остального, безотказно действующего на девушек, арсенала.

Лара отбивалась долго. Возмущалась, жаловалась на приставучего поклонника, ругалась, даже прилюдно била его по страшной физиономии. Лелик сносил покорно все издевательства, только глазами влюбленно хлопал.

И методично прореживал территорию, не оставляя рядом с красоткой ни одного поклонника.

За что опять получал по морде, но терпел. И ждал. И продолжал принимать превентивные меры.

И дождался в итоге.

Лара сначала обратила на него внимание. Сложно не обратить внимание на того, кто всегда рядом. А потом присмотрелась. И тоже пропала.

Лелик был счастлив так, что его страшная физиономия даже стала казаться вполне себе ничего. Правда, Лара уверяла, что он очень красивый парень, но тут, как говорится, свое чудовище...

В итоге основное и единственное условие, выставленное Ларой, было вполне логичным. Подпольные бои – дело, конечно, прибыльное, но грязное и опасное. А Лара страшно боялась за своего парня, буквально с ума сходила каждый раз, когда он дрался.

И Самая Суровая Мужская Клятва была нерушима. И Лелик был на седьмом небе. И Лара – тоже.

И вот теперь я не могла поверить, что он взял, и все разворотил! Неудивительно, что Лара с катушек слетела.

Тут сразу же полезут мысли о том, что, может, он не первый раз так обманул? И, может, не только в этом? А отсюда и до самых страшных идей недалеко.

Вот точно, козел! Так все феерически...

– Козел! – припечатала я его и попыталась обойти, но Лелик придержал за руку, довольно деликатно, но так, что не вырвешься.

– Коть... Ну ты права, козел... Но, понимаешь, она машину хочет... И квартиру получше... А тут такой вариант подвернулся... Я думал, она не узнает...

– А она узнала, значит?

– Узнала, – уныло кивнул Лелик. – Мне только после боя сказала ее подружка, что случайно сдала... Овца, – он скрипнул зубами, отворачиваясь, – типа, она не знала ничего, болтанула просто так. А Лара не поверила. Так она страницу на сайте открыла, показала прогнозы и всякое такое.

– То есть еще и реклама была? – удивилась я тупости, – а чего ты ждал, друг мой тупой?

– Была... Я ж, типа, чемпион, типа в спорт вернулся...

Ну все понятно. Скорее всего, было написано так, что не понять, разовое это мероприятие, или Лелик давно и плотно изменяет Ларе с рингом. Дурак. Она ж не простит его никогда. И не поверит никогда больше. А он точно с катушек слетит тогда, дурак, последние неотбитые мозги растеряет.

– Выиграл хоть?

– А то!

Ну да, повод для гордости, чтоб его...

Вот что с ними делать?

Я постояла, подумала. В конце концов, можно один раз сделать поблажку. Или нет?

Да не мое это дело, черт!

Пусть сами решают.

Но вот чего я точно не хочу, так это еще разочек повторить сегодняшний шикарный вечер. Отвыкла я как-то за пару лет спокойной жизни от таких экшнов. Да и Лелик реально любит ее...

– Короче, так, – я подошла ближе, заглянула снизу вверх в темные глаза, – сейчас идешь наверх, раздеваешься, ложишься с ней. Даже если будет гнать! Даже если будет бить! Она проснется, ей будет очень плохо. Очень. И ты будешь

вокруг нее прыгать. Помогать, утешать и терпеть. И слушать все то, что она захочет тебе сказать. Твоя задача, чтоб она не молчала. Потому что если Лара молчит, значит чего-то думает, а ей вредно сейчас. Ближе к ночи можешь попробовать утешить ее по-другому. Разберешься, как. Вообще, твоя задача – быть мягким котиком, козлик. Понял меня? Если что, звони мне, я приеду. Но вообще, сам разгребай. Придется подушкой для битья побыть, никуда не денешься. Ну да тебе не привыкать. И, само собой, если еще хоть раз проколешься и обидишь мою Лару... – тут я поманила его пальчиком, а, когда нагнулся, ухватила за разбитый нос так, что боец зашипел от боли, но не дернулся, – я тебя просто пришибу. Ты у меня вообще доверия никакого не вызываешь теперь. Понял?

– Угу... – примерно с середины инструктажа Лелик смотрел на меня с неприкрытым и очень приятным моему самомнению изумлением. – Спасибо тебе, Коть.

– Пока.

Я развернулась и села в такси, где наконец-то выдохнула. Посмотрела на часы. Час ночи.

Пусть этот день закончится уже. Желательно тихо и спокойно.

Дома я разулась, погладила Бусю и, тяжело топя, прошла к окну. Город не спал. Огни светились в каждом доме, словно созвездия, создавая новую звездную карту на земле.

– Фиг ли так топать, корова? – мрачно пробубнил голос гада-соседа так неожиданно, словно он рядом со мной стоял, за спиной. – Набегалась, спать ложись. Или ноги не сводятся?

Я подпрыгнула от неожиданности, усталое оцепенение исчезло, привычная ярость вернулась.

– Заткнись, урод!

– Сама заткнись, дура!

Я кинула в стену кроссовок, дождалась матерного комментария от придурка, и, нарочно топя громче обычного, отправилась в ванну, слегка взвинченная, но отпустившая наконец-то этот ненормальный день.

7

Вот честно, думала, этой дурной ночью мои приключения закончились. Думала, спать буду, как убитая. Но нет! Часа через три я прошлепала в туалет, не включая свет, с закрытыми глазами, затем вернулась, пошарила по кровати, уже по-привычке желая подтянуть под бок уютно посапывающую Бусю. Но собачки рядом не оказалось. Я решила, что, может быть, она ушла спать на кресло, и опять провалилась в сон. Ровно на пять минут, потому что затем отчего-то вскинулась, еще раз пошарила рядом с собой, прислушалась. И вскочила, врубая свет на полную. Потому что не показалось мне!

Тихий, будто задушенный хрип раздавался из-под кровати. Я залезла, вытащила лежащую на моей домашней кофте Бусю. Та, против обыкновения, не махнула мне приветливо хвостом, не лизнула ладонь. Я, старательно глуша подступавшую панику, торопливо ощупывала похожую на тряпочку, безвольную собаку, ужасаясь тихому хрипу и затрудненному дыханию. Догадок было море: реакция на прививку, скрытая, дремавшая до этого, болезнь, упала откуда-то, ударила сильно, съела что-то... Да все, что угодно! Маленькая такая собачка, глупенькая! Судя по внешним признакам, действовать надо было быстро, но я словно в ступор впала, без конца тормоша тельце Буси, ощупывая ее, уговаривая открыть глазки, сама не замечая, что уже давно плачу навзрыд. Очнуться меня заставил сонный и злой рык из-за стены:

- Ты че там стонешь, а? Спать не даешь!

- Да пошел ты! - в ярости закричала я в полный голос, радуясь, что могу выместить свое отчаяние хоть на ком-то, - отвали, урод! Не до тебя!

- Да ты совсем поехала, коза! - возмутился сосед, затем грюкнул чем-то тяжелым об пол, - не уймешься, я стену, нафиг, разнесу!

– Разноси, гад! Сразу в полицию загремишь! Вот прямо сейчас разноси! Только иди нафиг!

Я орала в полный голос, уже не сдерживая рыданий, потому что Буся начала дергаться, и это привело меня в ужас. Это или эпилепсия, или предсмертные судороги! Что же делать? Ночь на дворе!

– Да что у тебя там случилось такое? – уже тише, без прежнего накала, озадаченно спросил сосед.

– Буся мояаяя.... – непонятно, почему я решила ответить ему по-существу вопроса, ясно же, как божий день, что только насмешки сейчас отхвачу! – заболелаааа...

Дергающееся в руках тельце вызвало новый приступ рыданий, из-за которого я не сразу поняла, что говорит сосед.

– Дверь открой.

И поэтому какую-то долгую секунду оторопело слушала дверной звонок, никак не связывая его с тем, что ко мне кто-то хочет зайти.

А затем, подхватив собачку, пошла открывать, как сомнамбула, даже не спрашивая, кто это пришел посреди ночи.

И не удивилась, увидев высокую, загородившую весь проем двери, фигуру гада-соседа.

А он, наверняка мгновенно оценив мой расхристанный вид, заплаканное лицо и безумные глаза, перевел взгляд на маленькое существо, что я прижимала к себе, прошел в дом, молча потянул Бусю из моих дрожащих рук.

Прошел с ней в комнату, уложил прямо на пол, осмотрел. Буся опять задергалась, я, не выдерживая зрелища, заревела еще громче.

– Чем кормила? – его голос, спокойный и деловитый, неожиданно немного привел меня в чувство.

- Питание специальное. Для щенят.

- Похоже, сожрала что-то псина твоя. Надо в ветеринарку.

- Какая ветеринарка... Ночь на дворе...

- Обычная. Круглосуточная. Сейчас.

Он осторожно положил собачку на мою кофту, торопливо порылся в телефоне, кивнул мне:

- Поехали!

И я, быстро собираясь, даже не задалась вопросом, куда я с ним еду, и почему вообще ему верю. Мне кажется, что, появившись в тот момент Гомер Симпсон и скомандуй двигать за ним, я бы без сомнений это сделала, до того была обескуражена и растеряна.

В его машине, новенькой kia, было просторно и комфортно, но едва ли я это заметила, полностью поглощенная маленьким дрожащим комком на своих руках.

Оказалось, в столице есть круглосуточные ветеринарные клиники, и одна из таких совсем недалеко от моего дома.

В чистом, пахнущем больницей помещении, кроме нас, было еще три пациента, которых я не рассмотрела. Мою Бусю забрали на обследование, и я, не выдержав, опять залилась слезами, уткнувшись в так удачно попавшуюся на пути неожиданно твердую, прямо таки мужскую грудь соседа. Он, надо сказать, вел себя не как обычно, по-свински, а вполне по-взрослому. Приобнял меня, что-то утешающе бубнил на ухо, а я все плакала и плакала, и никак остановиться не могла, словно все напряжение этого дурацкого вечера и ночи выходило слезами, и только его руки давали хотя бы видимость опоры в бешеном урагане, в который превратилась моя жизнь.

- Вы хозяйка пуделя? - врач вышел в коридор, неся на руках спящую Бусю, и я кинулась к нему навстречу. - Все в порядке, вовремя привезли. Она проглотила

какую-то меховую игрушку, или шарик. Могла задохнуться.

Я, прижимая к себе дрожащими руками Бусю, слышала слова врача, как сквозь вату, концентрируюсь только на одном: все позади, все хорошо, все хорошо!

Я так и не поняла, каким образом мы оказались в машине, на пути домой, пропустила момент оплаты услуг врача, рекомендации по уходу и кормлению. Желательно, не меховыми шариками. Прислушивалась к тихому сопению собачки, шмыгала носом, смотрела в окно на ночную столицу. И старательно отводила взгляд от водителя. Было ужасно неловко, неудобно и глупо. Надо же общаться, ведь так? Поблагодарить, по крайней мере. Потому что, и надо быть в этом откровенной, если бы не соседский гад, я бы так в ступоре бог знает, сколько просидела бы. А значит, упустила бы время. И потеряла Бусю. Поэтому надо, по крайней мере, быть вежливой с ним.

Я кинула на соседа очередной взгляд искоса и была позорно поймана с поличным. Гад улыбнулся во все тридцать два, приобретя при этом вид невозможно дурацкий, и сказал, кивнув на мирно сопящий сверток на моих коленях:

– Никогда бы не подумал, что это пудель. На игрушку мягкую похожа.

– Да, они маленькие все такие, а потом вырастают...

– А я вообще не люблю пуделей, они глупые все.

– И ничего не глупые! – возмутилась я, обидевшись за свою девочку, – Буся очень умная!

– Вот только хозяйка у нее дура, ага, – охотно поддержал он беседу, – всякую хрень по дому раскидывает, которую ее умная собака в пасть пихает.

Ах гад! Зря! Зря я попыталась проникнуться к нему чувством благодарности! Наглец, скот и хам!

Я раздулась, пытаюсь придумать, как половчее уязвить эту сволочь, но в ошалевшую от переживаний голову ничего умного не пришло. И, совершенно

некстати, мелькнула мысль, что, собственно, не так уж он и неправ... Видела же я, что Буся грызет мои домашние носки с меховыми помпонами, могла бы догадаться, что это опасно для маленького щенка...

Короче говоря, я только воздух открытым ртом похватила, как рыбка гуппи, но так ничего и не произнесла. Витенька, чтоб его, полностью оправдывая смысл своего имени, победно хмыкнул, скользнул взглядом от щенка, лежащего на моих коленках, до этих самых коленок и ниже, к спешно натянутым салатovým конверсам, опять хмыкнул. Как мне показалось, очень насмешливо.

Я, пытаясь от злости, подобрала под себя голые ноги, досадуя, что не оделась нормально, так и выскочила из дома в домашнем топики и шортах, накинув только сверху длинный кардиган и нацепив кеды, и теперь все сбилось, и даже прикрыться нечем от гадского взгляда!

И вообще, как он смеет? Молоко еще на губах... Тут отчего-то явственно представилось, как он пьет это самое молоко из стакана, как облизывает эти самые губы... Грудь и щеки полыхнуло жаром сильнее прежнего, конечно же, от злости. А отчего еще? Ну уж явно не от видения его губ. В молоке. Блин!!!

– Да не пыхти ты так, тетя, – насмешливо прервал он мое помешательство, – а то лопнешь от натуги!

Тут мы, наконец, приехали, и я решила эффектно закончить диалог.

– Знаешь что, сопляк? Спасибо тебе, конечно, за помощь, но надо бы тебе не только штангами интересоваться, но и еще и книжки почитать. По этикету, например. Чтоб знать, как со старшими разговаривать.

С этими словами я отвернулась, стараясь не обращать внимания на насмешливо блеснувшие серые глаза, дернула ручку машины.

Стремясь выйти красиво и грациозно, я замешкалась, перекладывая собаку из одной руки в другую и подбирая полы кардигана, и, конечно, же, оступилась на бордюре, с тихим, удивившим даже саму себя, писком полетев головой вперед. При этом я очень старалась в полете извернуться, чтоб упасть на спину и не придавить Бусю. И конечно же, гадский сосед не упустил возможность выпендриться, непонятно, каким образом оказавшись на траектории полета и

подхватив меня за плечи.

– Вот ты коза! – рассмеялся он, сместив руки на талию и практически держа мое замершее в испуге тельце на весу, – слышь, че, мартышка в старости слаба глазами стала? Ничерта не видит перед собой?

– Смотрю, классику ты все же освоил... – пробормотала я, нерешительно дергая ногами и изворачиваясь в крепких ладонях.

На руках моих по-прежнему сладким сном спала псинка, которую я от испуга прижала к груди, поэтому освободиться и двинуть по нахальной морде мальчишки я никак не могла. Так и висела в его лапах тряпчочкой, с некоторым страхом глядя в насмешливые серые глаза. А красивый ведь, гад. Черты лица правильные такие, как и хочется их слегка разбавить. Например, пирсинг в бровь. Подчеркнуть нахальный, притягивающий образ хулигана. Или в губу можно... Это должно интересно ощущаться при поцелуе...

СТОООП!!!

Я, внезапно осознав, о чем вообще думаю, резко пришла в себя и решительно дернулась, показывая, что уже вполне способна к самостоятельному передвижению.

Витенька аккуратно поставил меня на асфальт, буркнул:

– В рамках школьной программы...

И первым зашел в подъезд. Черт! Еще же лифт!

Как ни странно, в лифте сосед не пробовал продолжить свои издевательства, просто стоял, поглядывал на меня и молчал, слава всем богам!

Я же, немного испуганная своими, никуда не годящимися мыслями по поводу апгрейда его внешности, да и вообще по поводу его внешности, тоже тупо молчала. И только выйдя из лифта, запоздало вспомнила, что, может, стоило поблагодарить его за участие?

– Спасибо, – нерешительно сказала я, и, мучительно переживая возникшую неловкую паузу, потому что Витенька остановился, молча ожидая продолжения, добавила на автомате, – может, чаю?

Сообразив, что только что ляпнула, подняла глаза, открыла рот, чтоб добавить "как-нибудь", но сосед шагнул ближе, оттесняя меня к двери, и проговорил каким-то низким, хрипловатым голосом, так не похожим на его обычный насмешливый басок:

– В качестве благодарности?

Я, сильно испугавшись непонятно чего, размазалась по двери, нащупывая ручку, лихорадочно дергая ее вниз. Взгляд при этом оторвать от его серьезных жадных глаз совершенно не могла. Гипнотизер, блин...

Сосед шагнул еще ближе, дверь щелкнула, открываясь, и я влетела в квартиру, захлопывая замок и рывкая резко и неожиданно тонко:

– Нет!

Ответом мне был несильный удар по двери и насмешливый удаляющийся хохот.

Я привалилась к стене, вместе с Бусей тихонько сползая вниз.

Очуметь, какой день. И вечер. И ночь. До постели бы добраться.

А думать я сегодня не буду.

Вот не люблю Скарлетт, но иногда ее философия очень в тему.

8

Проснувшись я от бодрого воя Билана про невозможное возможно. Спросонья решила принять слова песни, как руководство к действию, и метнула в стену

уже привычное к такому обращению блюдо.

– С добрым утром, тетя! – глумливо поздоровалась стена, ритмично постукивая тяжелыми железяками.

Бог мой, да этот дурак помешан на своих мускулах! И вкус у него еще дурнее, чем я думала ранее. Заниматься под Билана... Это, скажу я вам, уже даже не извращение. Это заболевание.

Буся, все это время тихонько дремавшая у меня под боком, на Билана и последующий привычный обмен проклятиями никак не среагировала, только зевнула сладко и умильно и вяло махнула хвостом.

Я озабоченно потрогала ее нос. Холодный. Значит, температуры нет. На этом все познания об измерении самочувствия у собак закончились.

– Теть, – в очередной раз грюкнула железом стена, – ты вчера от меня так бежала, что кое-что забыла.

– Что еще? – подозрительно поинтересовалась я, высовывая ногу из-под одеяла и разглядывая педикюр.

– Да там врач рекомендации написал на бумажке, для блохприемника твоего прожорливого.

– А почему ты мне не отдал вчера? – я отвлеклась от ногтей и с возмущением поискала глазами, чего бы еще такого громкого кинуть в стену.

– Да я хотел... А ты смылась... Даже чаем не напоила... – загрустила стена.

– Давай! – скомандовала я, вставая и нашаривая мягкие пушистые тапочки. Замерла, разглядывая их и примеряя к ненасытной утробе Буси. Это что же, мне вообще все пушистое придется убирать с глаз долой? Грустно...

– Неа, – с веселым злорадством раздалось в ответ, – надо было вчера не тормозить.

– Гад какой! – ступила я на привычную дорожку, – это же не для меня, это для собаки! Ей же уход нужен! И лечение!

– Вот вчера и надо было об этом думать, – мстительно заявила стена.

– Да пошел ты! – я была настолько возмущена открывшимся живодерством соседского гада, что даже мозги заработали активнее, – я позвоню в клинику и сама все выясню. Без тебя, урод!

– Да ладно тебе, – примирительно пробубнил сосед, – и пошутить нельзя... Принесу сейчас.

Я едва успела накинуть на себя тонкий халатик и прибрать волосы, как в дверь позвонили. Усилием воли заставив себя пройти мимо зеркала в прихожей, не заглянув, потому что вот нечего ради всяких сопляков прихорашиваться, я открыла дверь, не посмотрев в глазок.

А надо было! Надо! Тогда, может, эффект не был бы настолько ошеломляющим!

Соседский мальчишка стоял передо мной полуголым, в спортивных шортах до колен и с полотенцем на шее. Мое лицо оказалось как раз на уровне гладкой накачанной груди, покрытой мелкими бисеринками пота. Я оторопело задрала подбородок, чувствуя какое-то временное помутнение, морок, заволокший мозг, не дающий ни оценить объективно ситуацию, ни даже слова выдавить. Насмешливые серые глаза понимающе прищурились, мгновенно распознавая признаки моего явного замешательства, красивые губы изогнулись в ехидной усмешке. Он сделал шаг вперед, я, на автомате, назад, запуская его таким образом в свою квартиру.

Еще шаг – и я у стены коридора, а нахал навис сверху, не прижимаясь, но словно замыкая меня в клетку, обволакивая своим телом, своим запахом, терпким, дикой смесью дезодоранта, пота, железа и еще чего-то, сложно уловимого, но невероятно... Заводящего?

Он нагнулся, словно желая обнюхать меня, и опять заговорил этим своим низким влекущим голосом:

- Ну что, на кофе пригласишь? Раз уж вчера чая не дождался?

БАЦ! И мгновенное прояснение!

И что же это я делаю?

Я стою в коридоре, дрожу, как овца, словно веселые школьные времена вернулись, и самый крутой мальчик параллели зажимает меня на перемене!

Ух! Возвращение в реальность было головокружительно быстрым.

Я собралась, упрямо задрала подбородок, зло встречая его немного расфокусированный, плывущий взгляд школьного мачо, и рявкнула:

- Нет! Давай сюда рекомендации!

И руку выставила требовательно, стараясь не касаться горячей кожи. А то ж, блин, опять поплыву!

Витенька, похоже, слегка обалдел от того, что его пикап не сработал, потому что без звука отдал мне бумажку. Я, не желая даже размышлять, откуда он ее достал, потому что карманов на шортах вроде не было, и в руках у него, когда появился на моем пороге, тоже ничего не наблюдалось, мотнула головой, указывая ему на дверь.

Типа, помог, и вали.

Витенька, постояв надо мной еще секунду и шумно подышав мне в макушку, в итоге все же развернулся и вышел за дверь. На пороге он обернулся, явно для того, чтоб сказать что-то в своей манере, язвительное и злобное, но я слушать не стала и дверь быстренько захлопнула.

Вздрыгнула от гулкого удара с той стороны, похоже, кулаком, вот гад!

Из оцепенения от размышлений о том, что это вообще сейчас такое было, вывел еще один удар, теперь уже мощных басов за стеной.

Мммм... Оззи, ты в тему сейчас.

Я помотала головой и пошла умываться, по пути думая, где я поступила неправильно. И почему мне такое наказание. И, самое главное, какого это черта так реагирую на соседского сопляка?

Нет, ну выглядит он, конечно, зачетно. Все эти мускулы, кубики, кожа гладкая... И глаза эти... И губы... Но, черт возьми, это же ребенок! Это мальчишка совсем! У него даже подкаты мальчишеские, школьные! Ну смешно же! А особенно смешно, что я, взрослая уже тетенька, так на него ведусь!

А все почему? А все потому, что личная жизнь уже год как в коме! И права Лара, надо с этим что-то делать, а то дойду до того, что буду на мальчиков соседских облизываться! Фуфufу! Позорище!

Кстати, о Ларе. Как она там?

Я ушла на кухню, прихватив телефон и раздумывая, стоит ли звонить. И решила, что пока не стоит. Спит наверняка подружка. А проснется – и тоже ей не до меня. С Леликом мириться будет. Если этот дурак опять все не испортит, конечно. Ну, в этом случае, сама мне наберет.

Я сварила кофе, добавила маршмеллоу, уселась в свое любимое кресло, и раскачиваясь в такт хрипу Оззи, очень миленько провела утро, разглядывая панораму города и поглаживая пришедшую ко мне на колени Бусю.

Настроение, несмотря на утреннее происшествие и предательское поведение собственного организма, было приподнятым.

9

Кошка была черной. Конечно же черной, какой же еще может быть Кошка, гуляющая сама по себе? Она щурилась на меня из темноты рисунка свои желтые хищные хитрющие глаза и еле видно улыбалась. А я никак, ну вот никак не могла поймать эту улыбку на кошачьей морде. Потому что да, я умная женщина,

но она умнее.

Звонок я услышала далеко не сразу. Кошка никак не хотела улыбаться, глаза уже слезились от напряжения, шумопоглощающие наушники поглощали все звуки, кроме Надежды Бабкиной в сопровождении казачьего хора, бодро поющих из-за стены вот уже третий час подряд.

Хорошо, что Буся почувствовала вибрацию, и подлезла ко мне под руку, тычась мягкой мордочкой в ладонь.

Я отвлеклась от своей Кошки и ее неуловимой улыбки, откинулась на спинку кресла. Мама. Подхватила телефон и вышла на балкон.

– Что это у тебя там? – я прямо наяву увидела, как мамуленька морщится и отводит трубку от уха, – ты на улице что ли?

– Нет, я дома, – я не посвящала ее в особенности своих отношений с соседским гадом, прекрасно зная бедовый боевой характер. Стоило ей дать хоть малейший повод осознать, что ее деточку пытаются обидеть, и она бы явилась уже сюда, чтоб разнести всех, кто встанет на пути ее карающей метлы. Потому что мамуленька у меня та еще ведьма, да. Мой упрямый и мерзкий характер – это прямо малюсенькая часть той нереальной зверской мощи, что досталась ей.

– Странно... Шумно очень, как ты работаешь? – но на этом, слава яйцам, вопросы закончились. – Приезжай в гости, давно тебя не было. И не звонишь. Совсем про свою маму забыла.

Я прислушалась к набирающему обороты в комнате казачьему хору, и решила, что, бог с ним. Кошка не рисуется, два заказа простеньких я уже сделала, завтра поеду в офис, решать вопрос о дальнейшей стратегии, да и Антон чего-то молчит таинственно, наверно, получил оплату от клиентов, хитрый гад. А значит, сегодня можно в самом деле сгонять к мамуленьке. Тем более, что она с Бусей еще не знакома.

– Хммм... Говоришь, на улице нашла? – мамуленька подозрительно, двумя пальчиками, подхватила приветливо помахивающую хвостиком Бусю, подняла на уровень глаз. – Странно, что такую хорошенькую выкинули... Может, ищут?

– Не найдут. – Отрезала я, отбирая собачонку, и не собираюсь даже задумываться о моральности своего поступка.

Нет уж, я нашла, значит, моя Буся. Нечего было терять. За эти несколько дней я настолько привыкла к собачке, что даже мысль о том, что ее надо куда-то отдать, была ужасной. Брррр...

– Ну ладно... – Мамуленька откинулась в плетеном креслице, лениво оглядывая улицу.

Мы сидели с ней в новом, недавно открывшемся ресторане с летней верандой и французской кухней. Море цветов, спокойные тона, услужливые официанты. Ненавязчивая роскошь. Короче говоря, я, в своих конверсах и ярком джинсовом комбезе слегка не вписывалась. Зато мамуленька смотрелась в своей стихии. Шикарная укладка, выглядящая так естественно, что сразу становилось понятно, сколько усилий и времени потрачено на нее, дорогое, стильное платье, общий флер ухоженности и изысканности. Я шумно потянула коктейль из трубочки, мамуленька немного нахмурилась, но ничего не сказала. Оно и правильно, воспитанием заниматься поздновато.

Я нагло развалилась на креслице, закинув одну ногу на соседнее, посадила Бусю на колени, позволила ей прикусить игриво палец.

– Я на следующей неделе хочу в Берлин на пару дней. Там выставка будет тематическая. Может, со мной?

– Нет, мамуль, у меня работы полно. Да и Бусю не с кем оставить.

– Вот никогда я животных не любила, – поджала губы мамуленька, – столько осложнений с ними, столько ограничений... Отдай Ларе на пару дней.

– Нет, не хочу.

– Она все еще с этим страшным парнем, да? Как его... Олег? Боксер какой-то...

– Да.

- Надо же.

Больше мамуленька ничего не сказала, только опять губы поджала неодобрительно. Лару она любила, потому что не знала, что та за чудо по пьяни. А Лелика опасалась, как и многие, кто его видел.

Я сидела, наслаждаясь мягким послеобеденным солнышком, играла с Бусей, и лениво размышляла о том, как часто мамуленька поджимает свои красивые губы, когда речь заходит обо мне. Не особо я на роль дочери вписываюсь, это точно. Слишком мы разные.

Достаточно посмотреть на нас, чтоб понять, что мне от нее внешне ничего не досталось.

Яркая, роскошная, знающая себе цену, успешно ведущая свое, пусть и небольшое, но устойчивое консалтинговое агентство, мамуленька в свои сорок два выглядела едва ли на тридцать пять. И это были шикарные тридцать пять.

Я же, особенно сейчас, с двумя пучками – рожками на голове, без грамма косметики и наряженная в цветной джинсовый комбез, смотрелась подростком в стадии бунтарства.

Мы сидели друг напротив друга олицетворением полярности миров, в которых жили. Общим у нас с ней было только одно: цепкий, независимый характер и бульдожья хватка.

- Котенок, ты бледненькая какая-то, – мамуленька смотрела на меня обеспокоенно, постукивала ложечкой по блюдцу, – может, все же отдохнешь? Ну есть же для животных всякие там гостиницы... Давай вместе в Италию? Мне рекомендовали, там новый курорт... Не помню названия...

Я помотала головой, не поднимая взгляда от коленок, где Буся уже уgomонилась и теперь счастливо грызла сухарик. Нет уж. Куда-то ехать, отрываться от привычной жизни... Да еще и с мамой. Ну не пятнадцать же мне, в самом деле, хоть, может, и выгляжу по-другому!

- Катя, здравствуй!

Мужской голос прозвучал совсем неожиданно и близко. Я подняла голову, прищурилась. Заслоняя солнце, стоял передо мной Вадим Петрович, улыбаясь в своей обычной альфасамцовой манере, сокрушительно и ослепительно.

– Здравствуйте! – я поднесла руку к глазам козырьком, чтоб разглядеть получше его и его приятеля, с которым они подошли к нашему столику.

– Не ожидал тебя здесь увидеть! Позволишь присесть?

Они как-то очень шустро расположились за нашим столиком, я даже сказать ничего не успела.

– Это мой друг, Юрий Васильевич, а это Екатерина, помнишь, я говорил что она мне сейчас для проекта рекламу полностью отрисовывает? А это твоя подруга?

– Это мама... – тут я повернулась к мамуленьке и увидела, что она сидит, выпрямившись, жестко сжав губы и смотрит на приятеля Вадима Петровича злым взглядом. Удивившись такой реакции, я только слабо булькнула, заканчивая, – Маргарита...

– Павловна, – завершил за меня неожиданно Юрий Васильевич, тоже глядя на маму пристально, но как-то виновато, – мы... Познакомились недавно...

– Мама? – страшно удивился Вадим Петрович, переводя взгляд с меня на мамуленьку, и не выдавая все же дежурных комплиментов о схожести красоты мамы и дочери. И это было правильно, потому что ничем похожим здесь и не пахло.

– Мама. – Неожиданно жестко и четко произнесла мамуленька, резко вставая из-за стола, – нам пора.

Я растерянно поднялась следом, сгорая от любопытства, но не собираясь терять ее в данную минуту. Было понятно, что мамуленьке почему-то крайне неприятен друг моего заказчика, и она не хочет с ним оставаться за одним столом.

– Но, может, чаю еще?.. – похоже, что Вадим Петрович растерялся, не понимая причин бегства. В отличие от своего друга, который тоже поспешно поднялся и ухватил мамуленьку за руку.

Ух ты!

"Все чудесатей и чудесатей", – как говорила Алиса. Я, оказывается, кое-что пропустила, поглощенная войной с соседом!

– Маргарита Павловна, позвольте мне еще раз... Простите меня! – Юрий Васильевич не отпускал ладонь мамуленьки, смотрел жалобно и виновато, – я совсем не хотел тогда вас обидеть...

– Конечно, Юрий Васильевич, я вас понимаю, разве может женщина обидеться, когда ей делают такое лестное предложение?

Мамуленька вырвала ладонь, показательно вытерла ее салфеткой и удалилась. Я неловко кивнула на прощание застывшим от неожиданности мужчинам, и пошла следом, наблюдая прямую спину мамуленьки с идеальной осанкой. И чуть более сильной, чем необходимо для обиженной женщины, амплитудой покачивания бедер.

Интересненько...

– И что это было? – мы уселись в машину, и я начала беззастенчиво вытаскивать из нахмуренной показательно "не подходи, убью" мамуленьки информацию. Она нахмурилась еще сильнее, прикусила губу и демонстративно включила зажигание. Машина чихнула.

На меня эти ее демарши никогда никакого воздействия не имели, поэтому я вынула ключи из подрагивающих рук, удивившись этому факту безмерно. Моя мамуленька! И дрожащие руки? Конец света, что ли?

– Говори давай. А то корвалола налью, будешь старушкой пахнуть.

– Нечего говорить. Просто очередной хам.

– А чего взволновалась так?

– И ничего не взволновалась. И вообще. Не твое дело. Давай ключи.

Так, все понятно. Мамуленька в жестком отказе, придется отступить. Ну ничего, осадные войны всегда выигрывала я.

Со второго раза машина не завелась. И с третьего. Вздохнув, я открыла приложение, чтоб вызвать такси, когда в окошко с моей стороны постучали.

– Катя, проблемы с машиной? – Вадим Петрович улыбался по-прежнему ослепительно. Надо бы сказать ему, что так явно радоваться тому, что у кого-то ломается машина, не очень хорошо.

– Да, что-то случилось...

– Давай же мы с Юрием вас отвезем.

– Нет!

– А давайте! – я мстительно глянула на краснеющую от моей наглости мамуленьку. А вот надо было сразу дочке все рассказывать, а не устраивать здесь домострой.

Я вышла из машины, Вадим Петрович обошел и открыл мамуленьке дверь. Той ничего не оставалось, как выйти.

Юрий Васильевич был гордым обладателем огромного белого внедорожника Мерседес последней модели. Он, страшно смущаясь, попытался под ручку посадить мамуленьку на заднее сиденье, и сразу же отлетел в сторону. Таким злым взглядом она его наградила. Да что же такое случилось-то между ними?

Вадим Петрович легко закинул меня на соседнее с маминым сиденье, уточнил адрес, и всю дорогу сглаживал неловкость, постоянно болтая о каких-то мелочах. Я поддерживала разговор, улыбаясь и поглядывая на злую мамуленьку и заметно стыдящегося Юрия. Интрига, блин!

Мамуленьку высадили первой, она, сухо попрощавшись исключительно с Вадимом, жестом усадила на попу ровно наладившегося было ее проводить Юрия, и грозно и многообещающе посмотрела на меня. Ой, чувствую, будет мне весело! Но зато все узнаю!

После ухода мамуленьки Юрий загрустил, разговор поддерживал неохотно, Вадим тоже поутих, поглядывая на меня многозначительно и внимательно.

И даже вышел провожать до подъезда, мотивируя это тем, что вечер уже, и хулиганы всякие...

Ну да, хулиганы... Один такой как раз заходил в подъезд и наблюдал интимную сцену прощания. Я скосила глаза на Витеньку, который презрительно оттопырил губу, проходя мимо. И опять разозлилась! Ну надо же, индюк какой! Да какое его щенячье дело вообще! На нервах специально подольше постояла возле подъезда с Вадимом и даже, кажется, согласилась на встречу, больше похожую на свидание. А все из-за того, что ехать в одной кабинке с соседским гадом не хотела.

Дома меня встретил свежий воздух из незакрытого балкона и низкий мощный хрип Раммштайн.

Буся тут же начала мерзенько подвывать, а я, отметив, что, похоже, гаденыш истощил свою фантазию и пошел на второй круг, умотала в ванную, игнорируя настойчиво звенящий телефон. Мамуленька на заставке была прекрасна, и глаза ее, казалось, метали молнии праведного гнева.

10

- Лара, успокойся, - вяло бубнила я в трубку, пытаюсь одновременно загрузить в духовку фаршированные баклажаны и отпихнуть от плиты вездесущую собачонку, - ну все же разрешилось? Сама виновата...

Подруга от такого моего заявления перешла на ультразвук, и я, поморщившись, положила трубку на стол, включив громкую связь, поставила противень в

духовку и легонько шлепнула наглуую псинку под пушистый задик, задавая ей верное направление к дивану.

– Да ты! Да он! Да вы сговорились! – неслось из телефона, и чувствовалось, что истерика набирает обороты.

Я только вздохнула. Лелик, чтоб его... Перестарался... Ведь четко нарисовала план действий! Осталось только следовать! И все! Все!

Но мы же самые умные! Мы же знаем, как лучше! Вот и получил. Очередной виток скандала, любимые гантели, скинутые с балкона, хорошо, хоть не на голову прохожих(а вот интересно, как она их вообще дотащить умудрилась и через перила перекинуть? Там же тяжесть нереальная...), и, бонусом, мои основательно подпорченные барабанные перепонки.

– Лар, давай потише, Буся уже пугается...

Это я сильно преувеличила, конечно, Буся у меня – дама стойкая, закаленная в боях с соседским ушлепком, что ей какие-то визги?

Лара перестала визжать и начала рыдать. Я поставила таймер на духовке и пошла делать себе какао. От нервов.

– Котя, ну ты же понимаешь, что это никуда не годится? Ну так же нельзя! Он вообще меня не ценит! Не понимает! Не уважает!

Ну да, ну да.

Любому, кто хоть раз увидел, как они общаются, становилось понятно, что бедняга Лелик попал по самое не балуйся. Один олений влажный взгляд чего стоил! Я, не удержавшись, хихикнула, вспомнив, как Лара со всей дури лупила его подаренным букетом по физиономии на глазах всего универа, а он только голову в шею вбирал и даже не уворачивался. И смотрел, смотрел, смотрел на нее... Как на божество какое-то. Я, признаться, в тот момент даже позавидовала подруге. Потому что никогда на меня так ни один ухажер не смотрел. А хотелось. При всей моей независимости и стервозности, очень хотелось. Почувствовать себя единственной и самой главной ценностью в жизни другого

человека...

И это только такая сумасшедшая, как моя Лара, могла сейчас вякнуть, что ее не любят и не понимают.

– Лар, приди в себя уже! – я не выдержала продолжительного воя и рывкнула так, что в телефоне наступила озадаченная тишина, а за стеной опять что-то железно грюкнуло и сдавленно выругалось.

Я услышала и разозлилась еще больше, потому что была уверена, что сосед свалил с утра пораньше по своим очень важным делам. А нет! Вот он, голубчик! Подслушивает, одновременно качая свои и без того слишком уж красивые мускулы. Тихонько так, без обычных хрипов и сипов. Гад какой! Мало того, что жить спокойно не дает, так теперь еще и подслушивает внаглую!

Я подлетела к стене и с криком: "Чтоб ты там себе лапу отдал, волк позорный!", долбанула все тем же жестяным блюдом.

Сосед, судя по грохоту, явно до этого приложивший ухо к стене, чтоб было лучше слышно(сволочь!), нападения не ожидал.

Я с удовольствием послушала сначала грохот падающего, судя по всему, через штангу или еще какой другой снаряд, тела, затем цветистый мат, покивала на особо интересных оборотах, крикнула:

– Вот чтоб тебя тем же местом и точно так же!

И, очень довольная, вернулась к телефону.

– Это что было? – осторожно уточнила Лара, уже успевшая успокоиться за время моего демарша.

– А ты как думаешь? Соседский гад, конечно же. Надеюсь, отдал себе какой-нибудь жизненно важный орган своими железяками! – повысила я голос специально.

Получила в ответ кряхтение и мрачное:

- Не дожدهшься, коза кудрявая.

Пожала плечами, подхватила телефон и пошла в кухонный уголок, взяла какао и уселась с ним в любимое кресло.

- Лара, я думаю, тебе надо успокоиться. Попей чай, сгоняй в магазин, развейся. У тебя карточка его осталась? Не порезала еще?

- Нет... - опять всхлипнула Лара, - а надо?

- Ненене! Не надо! Зачем пластик резать? Ни уму, ни сердцу, ни кошельку. Сходи, прогуляйся до Меги, например... Ну, или, если хочешь, с центр. Если хватит у него там.

- Да? Ты думаешь?

- Конечно! Прикупи платье и белье, помнишь, ты мне показывала? И фотку ему отправь из примерочной! Главное, геолокацию выключи, чтоб побесился!

- Точно! - Лара перестала всхлипывать, увлеченная моей идеей, - чтоб знал гад, как просто так замуж звать!

- Ага...

- Котик, пошли со мной! Веселее будет же!

- Не могу, Лар. У меня работа еще. Ты, главное, пообещай, что потом домой поедешь, а не в какой-нибудь шалман новое платье обмывать... А то я не выдержу больше, Лар.

- Нет, больше никаких шалманов! Это я что-то совсем расстроилась тогда...

- Все, звони.

Я попрощалась с подругой, погладила Бусю:

– Ну вот, видишь, песа, как важно правильно найти момент, чтоб сделать предложение? Да, ты понимаешь. И я понимаю. И Лара понимает. И до Лелика, может, тоже дойдет, после десятого торогового центра...

В том, что Лелик, увидев интимные фотки своей девушки в шикарном нижнем белье, ломанется искать ее по всей Москве, я не сомневалась. Вот найдет ли – это вопрос. Но в любом случае, они будут заняты друг другом. А я отдохну. Какао попью. Баклажаны поем, с сыром фаршированные, мои любимые. Вон, уже и запах пошел по комнате, одуряющий.

– Слышь, тетя, – хрипло напомнила о своем существовании стена, – а че это у тебя пахнет так? Какая доставка?

– Отвали, щенок, – лениво огрызнулась я, – это ты всякий силос жрешь, а я сама себе готовлю.

– Да ладно... – не поверил гад, пропустив мимо ушей оскорбление, – это, типа, ты приготовила что ли? И чего это такое?

– Баклажаны, фаршированные грибами и сыром.

За стеной явственно было слышно, как сосед пытается унять слюноотделение.

– Слышь, а ты это... Мясо можешь пожарить?

Я озадачилась, оставила какао на стол. Неужели наглость до такой степени может быть? Не верится даже. Но надо проверить.

– Могу.

Стена помялась, посопела. Я ждала. Неужели???

– Слышь... А давай я мясо принесу, а ты пожаришь...

Офигеть! Да, неоценила я наглость соседскую! После всего, что между нами было...

- Мальчик, а ты не офигел ли часом? С чего это я должна тебе жрать готовить?

- Да я так... - убито буркнула стена, и я прямо представила себе, как он отходит, горестно опустив широченные плечи. - Жрать охота... А у тебя так пахнет...

- Так ты еще и на баклажаны рассчитываешь? - не поверила я очередному витку наглости.

- Так я же мясом поделюсь. - Возразил сосед, - у меня телятина, нежирная.

Я открыла рот, чтобы жестко послать гада, но внезапно представила телячьи отбивные под розмарином в духовке... Да, это было бы неплохо. Как раз чудесное дополнение к баклажанам. И еще салатик можно сделать витаминный...

11

Вообще-то, соглашаясь приготовить гаденышу мясо, я никак не ожидаю, что он будет присутствовать при готовке. Думала, заберу телятину, а его - нафиг, ждать результата.

Но Витенька нагло вперся в мой дом, сунул мне пакет и прошел в комнату. Я открыла рот, чтоб высказать ему все, что думаю о таком поведении, затем представила весь этот разговор, заранее поразились его глупости, и закрыла рот. Бог с ним. Может, помиримся, и перестанет меня терроризировать своими дикими музыкальными вкусами.

Я язвительно пробормотала:

- Чувствуй себя, как дома.

И ушла в кухонный угол разбираться с мясом.

Через пятнадцать минут баклажаны были выставлены на стол, а отбивные загружены в духовку. Я, одним глазом наблюдая за играющим на полу с Бусей гаденышем, начала резать салат.

Признаться, я чувствовала себя дискомфортно. Все время казалось, что, несмотря на явную занятость игрой с собакой, Витенька приглядывает за мной. Да что там приглядывает! Глаз не сводит! Но поймать на горячем мне его не удалось ни разу, зато сама чуть не спалилась, не вовремя залипнув на широкие, бугрящиеся мышцами плечи, что очень даже красиво подчеркивала голубая футболка. А как она шла к его глазам... И вообще, я в который раз поражалась акселерации нынешнего поколения.

Витенька был огромным, особенно по сравнению с моей небольшой студией. Сидел на полу, гоняя радостную Бусю от одной руки до другой, позволяя ей покусывать, рыча, пальцы, и складывалось ощущение, что моя квартирка была ему слегка узковата в плечах. Слово на полу у меня резвится, сдерживая ленивую силу, какой-то очень большой зверь, из разряда кошачьих. Двигается плавно, перекачиваются мускулы под футболкой, поблескивают довольно и голодно глаза, которые за счет цвета футболки приобрели отчетливый синий оттенок... И что-то я опять на него засмотрелась, не вовремя, некстати!

Я нахмурилась, возвращаясь в нарезку. Не буду я думать о том, что это такое происходит. Потому что ничего не происходит.

Ровным счетом ничего!

И наблюдаю я за ним исключительно потому, что за Бусю опасаюсь. Такой здоровенный... Обидит мне щенка. Заиграет.

Да, дело только в этом, конечно же в этом.

И живот у меня сводит тоже только от опасения. И руки подрагивают именно поэтому. И смотрю я на его крепкий затылок исключительно со страхом. Да. Исключительно.

Задумавшись, я упустила момент, когда Витенька перестал играть с Бусей и подошел ко мне.

Встал за спиной и потянулся к баклажанам. А я, вначале вздрогнув от неожиданности, затем буквально задохнулась от злости. Вот ведь наглые какие дети пошли! Совсем края потеряли! Я резко шлепнула по заребущей лапище, развернулась, собираясь высказать все, что думаю о таком поведении, и внезапно оказалась очень близко в нему, буквально уткнувшись носом в ямочку между ключицами. Не удержалась и глубоко вдохнула запах крепкого молодого тела, перемешанный с дезодорантом и средством для бритья. Отчего-то эта смесь так дала мне по мозгам, что я сама потянулась к нему, чтоб вдохнуть еще разок, посильнее.

Витенька, гаденыш, стоял, не шевелясь, одной рукой опираясь на стол рядом со мной, чуть наклоняясь вперед, словно предоставляя мне большой плацдарм для обнюхивания.

Я облизнула губы, еле сдерживаясь, чтоб не попробовать эту вкусно пахнущую кожу, не впиться в нее зубами, задрала подбородок. И поняла, что, если в ближайшую же секунду не решу вопрос, то пропаду. И хорошо, что Витеньке есть восемнадцать, хоть за соvrащение не примут. Потому что соседский гад смотрел на меня вообще не по-детски. Очень даже понимающе смотрел, жестко, обволакивающе. Его тяжелый взгляд буквально придавил меня к полу, лишая всякой воли и любого желания ее проявлять. Хотелось закрыть глаза и потянуться к нему. Самой. Обхватить руками эти широкие плечи, с наслаждением исследуя каждую выпуклую мышцу, каждую вену на руках. Облизать эту вкусную кожу, прикусить манящую нижнюю губу...

Господи, ну почему этот мальчик такой сексуальный!

И тут меня в очередной раз стукнуло по голове! Мальчик! Это всего лишь мальчишка! Глупый, еще не понимающий толком своей притягательности! А я... Я просто извращенка!

Я подняла руки и вместо того, чтоб обнять его, как, наверно, он ожидал, изучая границы дозволенного и своей сексапильности, оттолкнула в сторону, прорычав:

– Не лезь руками! Не готово еще ничего!

После чего вывернулась из его лап и спешно пошла в комнату, проверить, как там Буся.

– Да ладно тебе, тетя... – дурашливо занял он, прихватив со стола помидорку и смачно сунув ее в рот. – Так пахнет... Давай пока баклажаны сожрем, а потом мясо, а?

Я взяла на руки собаку, потискала ее, повернувшись к нему спиной и пытаюсь успокоиться. Слава Богу, он либо не понял ничего, либо просто не обратил внимания, с легкостью отпустив ситуацию.

Конечно, с произошедшим никак не вязался его тяжелый, понимающий взгляд, но, может, мне показалось?

– Баклажаны вообще мои, – огрызнулась я, не оборачиваясь, чувствуя себя очень неловко. Все время казалось, что он по-прежнему смотрит на меня так, как там, у стола. А обернуться и проверить догадку боялась. – Не примазывайся.

– Да ладно, тетя, не мелочись, – примирительно сказал он и по-хозяйски достал тарелки и вилки.

Я обернулась, не в силах терпеть такую наглость, опять пошлепала губами, ощущая себя не кошкой, а какой-то глупой рыбкой, и молча пошла к столу. А то так глазом моргнуть не успеешь, как все мои баклажаны сожрет, проглот мелкий.

В итоге мы очень даже мирно пообедали сначала баклажанами, а затем и отбивными с салатом. Физиономия моего соседа с увеличивающимся количеством съеденного становилась все довольнее и умильнее, да и я немного расслабилась и решила, что то, что произошло совсем недавно, просто небольшое наваждение, глупость. И хорошо, что я не поддаюсь этой глупости, и не натворила дел. Вот бы по-идиотски выглядела! Это же кошмар какой-то!

Да и как вообще можно было увлечься этим вот... Ребенком?

Витенька сидел напротив, блаженно прихлебывая чай, и имея вид совершенно довольный и придурковатый.

– Слышь, тетя! А пошли вечером в кино сходим, а? – огорошил меня Витенька.

Я от неожиданности резко хлебнула чаю и закашлялась.

– Эй, ты чего? – он обеспокоенно подскочил ко мне и легко постучал по спине. – Не, если не хочешь в кино, пошли в театр... Или в оперу. Или на балет. Я просто не в курсе, как твое поколение развлекается...

Мой кашель как рукой сняло от вновь накатившей злости.

Ах ты ж! Гад малолетний! Мое поколение, значит...

Я встала, молча собрала остаток мяса в тарелку, сунула Витеньке в руки, и указала на дверь. Картинно. Пальцем.

– Да ладно тебе, – покорно топая на выход, продолжал бубнить гаденыш, – я же не в курсе, вот честно... Ну пошли в клуб... Со мной тебя фейс-контроль пропустит...

Я с трудом удержалась, чтоб не добавить пинка в зад для ускорения, притопнула ногой, подгоняя, и с грохотом закрыла дверь, вся кипя от негодования.

Мелкая скотина! Неблагодарная! И что это на меня такое нашло сегодня, что я вообще прониклась... Подумала... Допустила мысль...

– Теть! – донеслось из-за стены, – а вкусно получилось! Давай я завтра еще мяса принесу, а?

– Пошел к черту! – рявкнула я, кидая уже привычную ко всему жестяную тарелку в стену.

– Истеричка. – Пробубнил сосед.

И через секунду пол в квартире сотряс мощный бас Металлики.

Я вздохнула, уже успокаиваясь от привычных звуков. Ну вот, никакого перемирия. А все из-за чего? А все из-за неспособности некоторых держать язык за зубами. И явного длительного отсутствия личной жизни у других, из-за чего

они чуть не бросились на шею совершенно неподходящему парню.

И если с языком длинным я ничего поделывать не могу(и нечего даже фантазировать на эту тему, извращенка!), то с другой стороной конфликтующей стороны я уж что-то решу.

А значит что?

А значит, надо искать решение вопроса.

12

Работалось мне под Металлику славно. Образы получались яркие, интересные, Вадим Петрович должен быть доволен. А вот интересно, что все-таки там за друг такой, от которого у мамуленьки рукотрясение и словонедержание? Ужасно любопытно!

А, учитывая, что вчера я от нее ничего, кроме злопыхательства и истерики, не добила по телефону, то градус любопытства зашкаливал.

Тем более, что по все внешним признакам этот Юрий очень даже мамуленьке подходил. Высокий, красивый, и сразу видно, что не такой альфа-самец, как мой заказчик. Такой, очень спокойный и brutальный мужчина. Как раз в мамуленькином вкусе. И чего не устроило? Что же это такое надо было сделать, что ее так раскипятить?

Хотя, зная ее ведьмовский характер, бедняга мог просто поздороваться некстати и огрести по самое не балуйся.

А мамуленька ведь его зацепила, сразу видно. Глаза, как у котика из Шрека, только что не мяукает. "Погладь меня, обними меня, я хороший..."

Знаем мы все про них, пока ты глазкам умиляешься, он уже в постель залез, гад. Как они такими становятся? Может, рождаются сразу с этим вот умением бабам в мозги залезать и полностью их отключать? Наверно, так и есть. Вон, соседушке

моему восемнадцать только стукнуло, а уже ведь рядом находиться сложно. Так и тянет облизать. И в постель пустить. А он, похоже, и не в курсе еще до конца, как на женщин действует. Так, на интуитивном уровне работает. Хитрый малолетний гад.

Если этот Юрий такой же, то, пожалуй, правильно мамуленька от него морозится. Одни проблемы от них, котиков-пушистиков.

Зазвонил телефон, на заставке появилась страхолюдная рожа Лелика.

Я глянула на часы. Ничего себе, четыре часа проработала, вот и вечер уже. И чего это мне этот шкаф звонит? Неужели Лара его опять отправила? Или не нашел ее? Или... Что-то случилось с ней?

Я схватила трубку.

- Да, Лелик!

- Слышь, Коть, выйди, а...

Голос у Лелика был совершенно убитый.

- Что случилось? Что с Ларой?

- Да все нормально с ней. Дома она. А я здесь.

- Так поднимайся.

- Не могу.

Ничего себе заявки.

Я выглянула в окно. Здоровенный зверь, который Лелик по недомыслию именовал машиной, раскорячился на три парковочных места прямо возле подъезда. Вообще, у нас такого не любят, сразу же объясняют пришельцу, чья здесь грядка, но, судя по всему, с Леликом, как обычно, никто связываться не

захотел.

Я критически оглядела домашние шортики и топик, решила, что не буду переодеваться, облезет, накинула на себя кардиган, влезла в мятные конверсы и вышла на площадку. И, по закону подлости, столкнулась с соседским гадом, тоже куда-то намылившимся.

Он оглядел мой нелепый наряд, усмехнулся.

- И куда ты в таком прикиде? Мусора вроде нет в руках...

- Не твоё щенячье дело, - я гордо задрала нос, потуже запахнула кардиган и пошла к лифту.

Который один. И сосед тоже на нем поедет. Черт.

В лифте гаденыш опять демонстративно медленно оглядел меня с ног до головы, начиная от нелепых пучков, похожих на рожки, и заканчивая салатowymi конверсами.

Я отвернулась, отступила чуть дальше, прислоняясь к стене. А он, каким-то непонятным для меня образом оказавшись совсем близко, тихо и серьезно спросил:

- Слушай, может хватит, а? Давай мириться.

- Как только ты прекратишь меня терроризировать! - рявкнула я, по-прежнему не глядя на него и испытывая невозможные мучения в низу живота от его близости.

- Да ну ты ж сама начала...

- Я?!!

Моему негодованию не было предела!

То есть это я виновата?

Начала? Когда?

Да я – само очарование! Самая тихая и мирная соседка на свете!

Я подпрыгнула на месте от злости, развернулась к нему, сразу же понимая, что совершила очередную стратегическую ошибку.

Гаденыш смотрел, как в обед, у стола. Seriously, пристально, тяжело. Поставил руку возле моей головы. Я скосила глаза, залипая на крупные пальцы и волосатые предплечья. Вот никогда я на волосатых мужиков не залипала, тут на тебе... И на кой мне сейчас об этом думать???

Главное, в глаза ему не смотреть... Когда же этот проклятый лифт приедет???

– Слушай, Кать, давай и в самом деле сходим куда-нибудь, пообщаемся... – мурлыкал у моего уха этот котяра, шумно дыша в шею, отчего у меня по коже прямо веером рассыпались мурашки.

Мамочки... Не надо, не надо так... Я же не железная...

Тут мне совершенно неожиданно повезло, лифт приехал, и двери открылись.

Я, как перепуганный зайчишка, вывернулась из его рук, и побежала на выход.

– Кать!

Но я не обернулась на удивленный голос, плевать мне было на то, что он обо мне подумает, потому что еще немного, и причины для стыда были бы куда более значительные.

Я подбежала к огромному трактору Лелика, двери которого были раскрыты с водительской и пассажирской стороны, и на весь двор гремела какая-то бодрая дичь. Лелик, увидев меня, радостно рывкнул и буквально вывалился из машины. Не упал лишь потому, что вовремя зацепился за дверь.

– Котик! – заорал он, растопыривая лапы и сграбастывая меня с объятия, – ты одна меня любишь!

Я, беспомощно бултыхаясь в его ручищах, и поняла, что он еле на ногах стоит, что он невозможно, нереально пьян! Это Лелик! Который алкоголь вообще на дух не переносил! Злился, когда мы с Ларой выпивали по бокалу шампанского в теплый летний вечер!

Да я вообще не думала, что когда-либо увижу его в таком состоянии! Ну что сказать? Молодец, Лара, довела мужика.

Барахтаясь в его руках, пытаюсь хотя бы выровнять это животное, а то, если ж упадет, тут и смерть моя настанет, я краем глаза увидела притормозившего и наблюдающего за происходящим соседа.

Он смотрел зло и серьезно, аж покраснел, мне кажется.

Кардиган от моих попыток освободиться слетел, и я оказалась в домашнем топе и шортах на глазах у всего двора.

Вот стыд-то!

Да еще и Лелик, обрадовавшись родственной душе, все норовил прилечь мне на плечо и пустить слюни. Кошмар какой!

Я обняла его за шею, потрясла, похлопала по щекам.

Не знаю, как это выглядело со стороны, наверно, не очень, потому что сосед, зло сплюнув, двинулся прочь, не оглядываясь. Да и ладно...

У меня тут будущий муж подруги, практически в неадеквате, так что будем решать проблемы по мере их поступления.

Интересно, почему это Лелик здесь? А не со своими приятелями? Ехал бы к ним горе заливать, рассуждая о том, чего ж этим бабам-дурам надо. Почему он здесь? Как он вообще в таком состоянии сюда доехал???

– Лелик, давай ты домой, а? Такси тебе вызовем... – бормотала я, устраивая его обратно на сиденье.

– Нееее... – он тяжело вздохнул, – мне домой нельзя. Там Ларочка. Сказала, если появлюсь, уйдет совсем...

– Да что опять случилось-то? Ты ее нашел в торговом центре?

– Да, – уныло кивнул он, – нашел. С каким-то хмырем...

– Понятно.

Я облокотилась на дверцу машины. Ситуация была ясна. Этот идиот все же выследил Лару в торговом центре, скорее всего, к ней там подошел или знакомый, или просто кто-то познакомиться, и тут нелегкая принесла Лелика. А, зная его характер, и понимая, что Лара, скорее всего, своими фотками уже довела его до белой ярости, дальнейшие события можно было угадать со стопроцентной вероятностью.

– Хмырь жив? – со вздохом спросила я.

– А чего ему сделается, твари? Так, может, в больничку угодил... Я не успел ничего, только один разок... Ларочка отбила, по морде меня опять отоварила, – жаловался бугай, выглядя при этом как-то невозможно трогательно и беззащитно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/zayceva_mariya/koshka-zhivuschaya-na-kryshe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)